

Экологические аспекты проектов «Пояс и путь» в Центральной Азии

Обзор

Данный обзор подготовлен в рамках проекта «Экологическая оценка инициативы «Пояс и путь» при поддержке Посольства США в Республике Казахстан.

На фото: Билборд «Сохрани мир – вокруг себя!» компании «СНПС-Актобемунайгаз», пос.Кенкияк, Актобинская область, Казахстан. Автор: Рауль Упоров, «Уральская неделя».

ОФ «Социально-Экологический Фонд», Алматы, 2020

Содержание

Введение: Центральная Азия и инициатива «Пояс и путь»	3
Пояс и путь: перспективы «зелёного развития»?	6
Казахстан: экологические аспекты программы 55 проектов	23
Казахстан: нарушения китайским сельхозпроизводителем требований по пестицидам	36
Кыргызстан: проблемы реализации горнорудных проектов	42
Эколого-правовые проблемы привлечения инвестиций в экономику Таджикистана	51
Участие Узбекистана в Инициативе «Один пояс - один путь»	56
Заключение: экологические уроки «Пояса и пути»	69

Введение: Центральная Азия и инициатива «Пояс и путь»

В настоящий момент Китай стал одним из центров мировой экономики и международных отношений. По мере увеличения своего экономического потенциала Китай всё больше втягивается в глобальную конкуренцию за доступ к сырью, в первую очередь энергоресурсам. В этом плане Центральная Азия (ЦА) играет значительную роль для Китая, являясь своего рода стратегическим сырьевым тылом Поднебесной. Китай является основным инвестором экономик стран ЦА и их главным внешнеэкономическим партнером¹. Общий ежегодный товарооборот Китая со странами региона к 2017 году вырос в 60 раз с 1992 года, с примерно \$500 млн до \$30 млрд². Для сравнения общий товарооборот между Россией и ЦА составлял \$18,6 млрд в 2017 году³.

Однако Китай никогда не рассматривал страны региона как потенциальную часть своей экономики. ЦА интересна Китаю только как источник поступления природных ресурсов, транзитная территория и рынок сбыта китайских товаров, поэтому китайские инвестиции в регион направляются преимущественно в инфраструктуру и не подразумевают развитие реального сектора экономики⁴. 90% экспорта из региона в Китай приходится на топливо и сырьё⁵. Более того, рост спроса на природные ресурсы в Китае закрепляет превращение ЦА в сырьевой придаток не только западной, но и китайской экономики. Глобальная неконкурентоспособность экономик стран региона

1 Константин Сыроежкин, «Визит Си Цзиньпина в Центральную Азию: ожидания и проблемы», Carnegie Endowment, 04.09.2013, <http://carnegieendowment.org/2013/09/04/ru-pub-52845>

2 Еркин Байдаров, «Центральная Азия нуждается в новых подходах к экономической интеграции – эксперт», Евразия Эксперт, 02.01.2019, <https://eurasia.expert/tsentralnaya-aziya-nuzhdaetsya-v-novykh-podkhodakh/>

3 Канат Алтынбаев, «Россия теряет влияние в Центральной Азии в условиях растущего экономического влияния Китая», Каравансарай, 08.10.2018, https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/10/08/feature-01

4 Константин Сыроежкин, «Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии», Контуры глобальных трансформаций, Выпуск 6, том 9, 2016, <https://cyberleninka.ru/article/v/proekt-ekonomicheskij-poyas-shyolkovogo-puti-v-slozhnom-prostranstve-tsentralnoy-azii>, на 07.05.2020

5 Владимир Матвеев, «Центральная Азия – ядро Экономического пояса Шелкового пути», Сборник «Новый Шёлковый путь и его значение для России», ИДВ РАН, 2016.

вблизи такого экономического гиганта, как Китай, практически полностью закрывает возможности для их экономической диверсификации вне сырьевого сектора⁶.

С недавних пор, главную роль в осуществлении этих планов стала играть инициатива «Пояс и путь» (ПиП). Она была впервые озвучена председателем КНР Си Цзиньпином именно в Центральной Азии, во время визита в Казахстан осенью 2013 года⁷. Регион является своего рода «ядром» реализации сухопутной части ПиП. Стратегическими задачами инициативы в ЦА являются:

- получение доступа к ресурсному потенциалу путём участия в разработке месторождений нефти, газа и других природных ресурсов региона;
- интенсификация торгового обмена и продвижение китайских товаров в регионе, а также на рынки Европы, Ближнего и Среднего Востока транзитом через ЦА;
- активное участие в развитии новых трансконтинентальных транспортных коридоров через ЦА⁸.

По сути, реализация ПиП направлена на интенсивное развитие западных регионов Китая, главным образом Синьцзян-Уйгурского Автономного Района (СУАР)⁹. К примеру, 75% взаимного товарооборота между Казахстаном и Китаем приходится именно на эту провинцию¹⁰. В определённой степени ПиП является продолжением реализации стратегии «Большого освоения запада», принятой руководством Китая ещё в 2000 году. Одна из составляющих этой стратегии предусматривала активное использование экономического и ресурсного потенциала стран ЦА, в первую очередь Казахстана, для экономического развития приграничных северо-западных провинций Китая¹¹.

6 Константин Сыроежкин. «Государство всегда имеет возможность поставить на место любого иностранного инвестора», KazService, октябрь-декабрь 2017, http://www.kazservice.kz/images/KS_22.pdf, на 07.05.2020

7 <http://politics.people.com.cn/n/2014/0811/c1001-25439028.html>

8 М.Титаренко, А.Ларин, В.Матвеев, «Концепция Экономического пояса Шёлкового пути и интересы России», Вестник МГУ, Сер.25, №1, 2015, <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-ekonomicheskogo-poyasa-shelkovogo-puti-i-interesy-rossii/viewer>, на 07.05.2020

9 Константин Сыроежкин, «Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии», Контуры глобальных трансформаций, Выпуск 6, том 9, 2016, <https://cyberleninka.ru/article/v/proekt-ekonomicheskij-poyas-shyolkovogo-puti-v-slozhnom-prostranstve-tsentralnoy-azii>, на 07.05.2020

10 Светлана Кожирова, «Обострение казахского вопроса в Китае связано с активной урбанизацией в СУАР», ИАЦ МГУ, 25.10.2018, <https://ia-centr.ru/experts/zhanar-tulindinova/kozhirova-obostrenie-kazakhskogo-voprosa-v-kitae-svyazano-s-aktivnoy-urbanizatsiey-v-suar/>

11 Константин Сыроежкин, «Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству», Книга 1, Алматы 2010, сс.171,178.

И хотя деятельность совместных с Китаем предприятий идёт на пользу странам Центральной Азии, не стоит забывать, что основная цель их создания – это удовлетворение растущих потребностей экономики Китая и его глобальных амбиций, когда речь идёт о масштабных инфраструктурных проектах. Развивая с китайской стороной проекты в рамках ПиП, необходимо оценивать не только экономические и геополитические риски, но и социально-экологические последствия их реализации.

Именно этому вопросу и возникающим проблемам посвящён данный обзор, где приведено мнение представителей экологической общественности Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана, дана общая оценка экологических перспектив ПиП и приведен опыт китайско-монгольско-российского экономического коридора. Эксперты-экологи подготовили рекомендации для государственных органов и общественности стран ЦА, а также для Китая.

Обзор был подготовлен ОФ «Социально-Экологический Фонд» в рамках проекта «Экологическая оценка инициативы «Пояс и путь» при поддержке Посольства США в Республике Казахстан. Целью проекта является обсуждение экологических аспектов проектов ПиП и определение общих проблем с их экологической оценкой в ЦА. Данной инициативой экологическая общественность хочет внести свой посильный вклад в налаживание конструктивного диалога и делового обсуждения реализации проектов ПиП в регионе.

СЕРГЕЙ СОЛЯНИК, КОНСУЛЬТАНТ CRUDE ACCOUNTABILITY,
КООРДИНАТОР ПРОЕКТА «ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

Пояс и путь: перспективы «зелёного развития»?

1. «Зелёный Пояс и Путь»: почему это важно?

«Пояс и путь» (далее ПиП) это доминирующая форма внешнеэкономической и внешнеполитической экспансии Китая на современном этапе конкуренции за глобальное лидерство. "Пояс и путь" — это комплексная внешняя политика КНР и огромная машина глобальных инвестиций. Будучи основан на моделях и задачах развития, позаимствованных из прошлого (ресурсоемкие производства, создание гигантской инфраструктуры и т.д.), ПиП несет с собой существенные экологические и социальные риски. Поэтому, независимо от отношения к самому этому начинанию, любая организация заинтересованная в «зеленом развитии» должна уделять ПиП пристальное внимание и не обольщаться «зелеными» обещаниями официальных инстанций¹.

Большинство стран Евразийского континента так или иначе готовы участвовать в ПиП². Активная интеграция с КНР в рамках Шёлкового пути несет как существенные риски, так и возможности для "зеленого развития" в ближайшие десятилетия³. В каждой из стран положительное и отрицательное воздействие ПиП будет во-многом определяться качеством местных институтов (управления и др.). Но важна также и готовность структур власти и объединений гражданского общества взаимодействовать с китайской стороной в области планирования и взаимного согласования интересов.

¹ Eugene Simonov & Hemantha Withanage. Briefing on BRI for FoE APAC. February –June 2019. 24 pages. <https://www.researchgate.net/publication/337415004>

² Канцелярия руководящей рабочей группы по продвижению строительства «Одного пояса, одного пути». Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Издательство литературы на иностранных языках КНР. Май 2017 ISBN 978-7-119-10814-8

³ Евгений Симонов и Игорь Шкрадюк Igor Shkradyuk, Eugene A. Simonov: Записки о Глобальном энергетическом соединении: Развилки мировой энергетики и китайская сетевая инициатива GEI. (Crossroads of World energy and China's Global Energy Interconnection (GEI).. Report number: 2, Affiliation: Rivers without Boundaries Coalition, DOI: 10.13140/RG.2.2.21452.10885 <https://www.researchgate.net/publication/322517831>

Часть стран Евразии сформулировала свои программы развития так, чтобы они максимально гармонировали с планами КНР, что может увеличить инвестиции, но не обязательно отвечает целям устойчивого развития. К таким программам следует отнести «Нурлы Жол» в Казахстане, «Степной путь» в Монголии и Программу создания «магистральной инфраструктуры» или программу развития Дальнего Востока в России⁴.

Игнорирование современных тенденций и рисков не освобождает от борьбы с их последствиями... а ведёт к большим тратам на эту борьбу в будущем. Поэтому даже если 99% проблем кажутся результатом несовершенства местной системы управления, все равно проекты, инвестиции и иные элементы ПиП имеют свою специфику, которую необходимо понять и использовать для лучшего решения проблем.

Важно также учитывать, что политика ПиП вызывала к жизни острую конкуренцию между Китаем и разными группами стран. Даже в Средней Азии, где Всемирный банк предостерегает страны «наибольшую зависимость от КНР» появляются возможности использования ресурсов конкурирующих сторон: как России, так и коалиций западных стран. С 2018 г. Индия, США, Япония, Евросоюз, Австралия и др. страны открыто конкурируют с КНР и выдвинули свои программы трансграничной интеграции альтернативные ПиП, в частности, США предложили программу «Сеть Голубых Точек». Большинство этих программ также как ПиП обещает поддерживать большие инфраструктурные проекты, что может привести к увеличению экологических нагрузок. С другой стороны, в пику китайской программе, конкуренты настаивают на высоких социально-экологических стандартах планирования и осуществления инфраструктурных проектов, что помогает сделать эту тему центральной в дискуссии о ПиП.

Китайские ученые также озабочены потенциальными масштабными негативными воздействиями ПиП, в частности возможным усилением опустынивания в Евразии⁵ (см. карту на рис. 1).

4 Е. Шварц, Е.Симонов, Л. Прогунова (редакторы). «Экологические риски российско-китайского сотрудничества: от коричневых планов к зеленой стратегии» 200 стр. WWF Россия, Москва 2010 <http://www.wwf.ru/resources/publ/book/440/>

5 <https://www.chinawaterrisk.org/opinions/chinas-belt-and-road-initiative-to-speed-up-desertification>

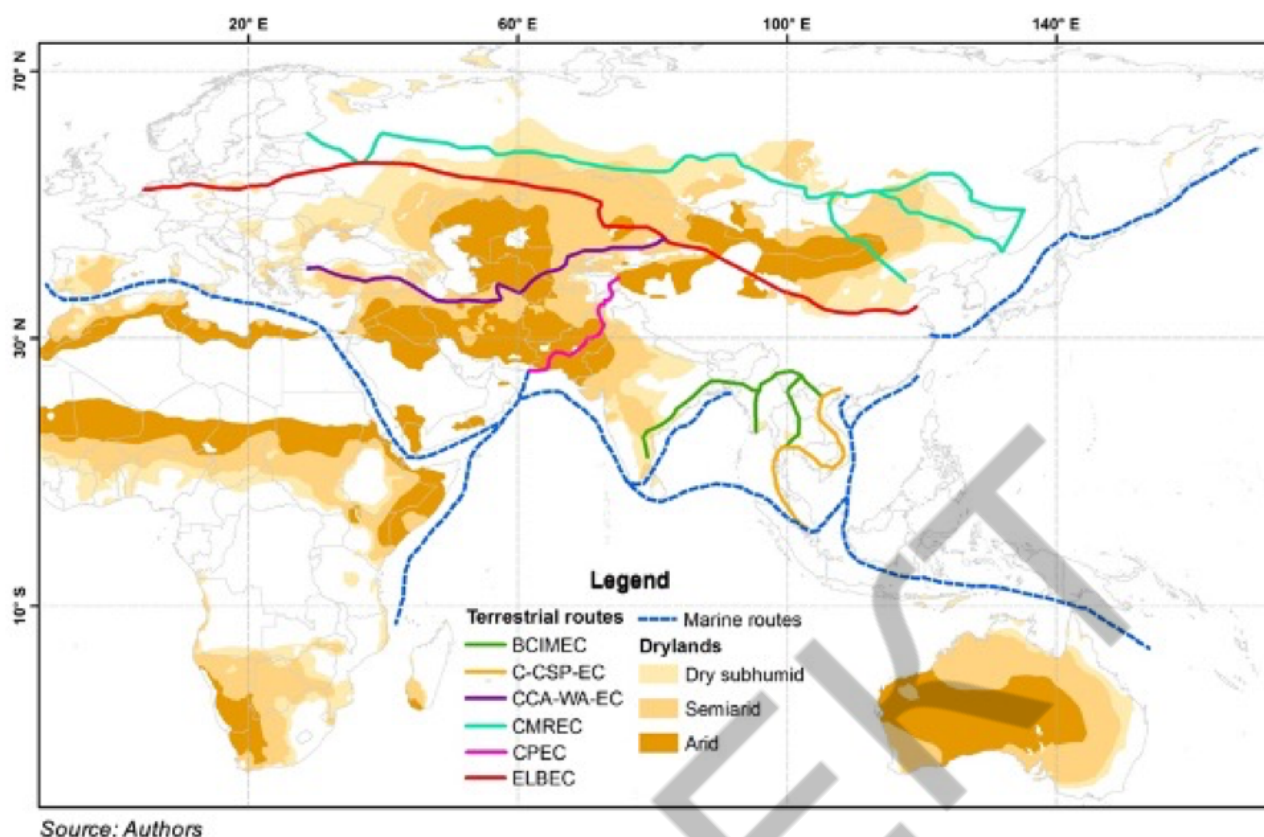

Рис. 1. Карта Экономических Коридоров Шёлкового Пути и аридных регионов Евразии.

Экологические риски ПиП широки и многообразны. Совместно с коллегами из 7 стран в конце 2019 года нами проведена рейтинговая оценка актуальности более 100 разнообразных «новых» социально-экологических рисков характерных для ПиП (по кембриджской методике «сканирования горизонтов»)⁶. В составлении рейтинга участвовало 6 экспертов из России и один из ЦА. Определенный интерес представляет сравнение их мнения с окончательным результатом полученным всеми 25 участниками. Важно указать что «евразийские эксперты» в основном учитывали значимость \остроту проблем, тогда как конечный глобальный рейтинг исключил «старые» проблемы, в развитие которых ПиП не внес существенных качественных изменений (так для получившей первое место в глобальном рейтинге проблемы деградации пресноводных экосистем был сделан акцент на последствиях откачки подземных вод). Интересно, что международное сообщество оказалось более озабочено освоением Арктики, чем российские эксперты, но не придало значение очевидным качественным изменениям в условиях работы активистов гражданского общества, о которых

⁶ Сканирование рисков ПиП (BRI Horizon Scan 2020) <https://www.researchgate.net/publication/339893749>

«просигналили» евразийские эксперты. Результаты рейтинга отражают разнообразие острых социально-экологических проблем характерных для ПиП и заставляют всерьез задуматься имеют ли они общие для многих стран пути решения.

Важнейшие проблемы ПиП по мнению евразийских экспертов (7)	Важнейшие «новые» проблемы ПиП по мнению всех экспертов (25)
Перенос «грязных» производств из КНР	Деградация пресноводных экосистем, особенно в результате активизации использования подземных вод
Совокупные (кумулятивные) воздействия многих проектов ПиП	Случайное распространение неизвестных ранее грибов, бактерий и вирусов (этот прогноз сбылся незамедлительно в форме Ковид-19)
Неадекватные оценки экологического и социального воздействия проектов ПиП (некачественные ОВОС)	Негативные воздействия цементного производства на карстовые и иные редкие экосистемы
Конфликты вызванные синофобией	Проблемы «Ледяного шелкового пути» в Арктике
Климатическая адаптация в контексте ПиП	Угрозы экосистемам побережий
Ведущая роль ПиП в инвестициях в топливную энергетику	Добыча растений и животных для восточной медицины
Негативные воздействия на экосистемы в странах ПиП	Гармонизация международных и национальных стандартов в рамках ПиП (в частности, таких как процедуры СЭО и ОВОС)
Злоупотребление китайскими инвесторами слабой нормативно правовой базой и низкими стандартами в странах ПиП	Защита территорий традиционного природопользования и культурных ценностей местных общин (способствующих сохранению биоразнообразия)
Новые условия работы для гражданского общества в рамках ПиП	Геополитическая конкуренция за развитие инфраструктуры вызванная ПиП
Горнорудный сектор и ПиП	Попытки преобразования и «реконструкции» естественных аридных экосистем под предлогом борьбы с опустыниванием.
Быстрое уничтожение пресноводных (речных) экосистем	Желание (китайских инвесторов) строить инфраструктурные объекты в зонах конфликта.

Таблица: Сканирование рисков ПиП (BRI Horizon Scan 2020)

2. Проблемы управления «зеленым ПиП»

Когда ПиП был провозглашен Председателем Си в 2013 году, то решение глобальных экологических проблем явно не числилось среди его основных задач. Изначально в КНР не назначили ответственного за «экологию ПиП» и общую политику зеленых инвестиций в странах-участниках. По сию пору в официальном ПиП нет ни единых социально-экологических стандартов, ни единого органа отвечающего за экологическую безопасность начинания со стороны КНР.

В результате без единых правил и стандартов осложнён контроль за деятельностью массы финансовых институтов ПиП, которые должны оценивать социально-экологические последствия поддержанных ими проектов. Это усугубляется коммуникационными проблемами.

Отсутствие культуры консультаций и высокие барьеры для работы с местным населением и др. стейкхолдерами – отличительная черта китайских инвесторов. С одной стороны мешает языковой и культурный барьер, а с другой у китайской стороны обычно крепка установка работать только с официальными органами власти, игнорируя любые иные затронутые проектом группы людей. В результате, именно для таких проектов высока вероятность социального взрыва и протеста из-за отсутствия механизма равноправного диалога с местным населением.

Низкое качество проектирования и строительства характерное для стран региона повышает вероятность финансирования массы готовых устаревших и грязных проектов (например, детально разработанных во времена СССР). В части случаев, как например с созданием ГЭС на базе Сардобинского водохранилища в Узбекистане, китайской стороне удалось отказаться от финансирования очевидно рискованного проекта и таким образом избежать прямой ответственности за возникающие в связи с ним проблемы. Но этот случай скорее исключение. В большинстве случаев недостаточный контроль качества проектов и отсутствие эффективных структур для надзора за проектами ведет к игнорированию вопросов экологической безопасности и уже начатые строительством объекты становятся жертвой общественных компаний протеста⁷. Примеры этого имеются в Кыргызской республике, России, Монголии и других странах региона.

7 Евгений Симонов "Позеленение" Нового Шелкового пути -миссия выполнима? Отчет с рекомендациями подготовленный для коалиции "Реки без Границ" 180 стр. (на англ. языке.) DOI: 10.13140/RG.2.2.23726.20806 ссылка <https://www.researchgate.net/publication/322385652>

Проблемой также является высокая политизированность госинвестиций Китая, канализируемых через государственные компании. В результате деньги часто уходят на поддержку «любимых» проектов ведущих политических деятелей стран-реципиентов, которые вовсе не являются оптимальными с социально-экономической точки зрения.

Изначально Китаем заявлено шесть коридоров ПиП, в двух из них участвует Россия - это "Новый евроазиатский континентальный мост" идущий через Казахстан в Европу и "Китайско - монгольско - российский экономический коридор " (КМРЭК), который в китайской версии включает сотрудничество с Сибирью и Дальним востоком России. Казахстан также участвует в двух коридорах, одном - общем с Россией, а другом общем с остальными странами ЦА. Руководству КНР очевидно, что большой объем планируемых в экономических коридорах ПиП инфраструктурных и промышленных проектов несет с собой крупные экологические и социальные риски. Но инструментарий раннего выявления рисков ограничен.

Наибольшие риски вызваны именно тем, что экономические коридоры ПиП создаются без стратегического планирования и оценки альтернатив. В результате целые кластеры инфраструктурных и производственных объектов оказываются в зоне риска, так как их востребованность и жизнеспособность не были должным образом оценены, равно как и экологическая опасность. Притчей во языцех стал железнодорожный мост через Амур (Тунцзян-Нижнеленинское), большую часть которого китайская сторона построила в срок к 2018 году, а меньшая (но более дорогая) российская часть продолжает строиться и поныне с прогрессирующим увеличением бюджета. При этом проекты, для обеспечения которых строился мост, утратили актуальность, и сейчас ему ищут иное применение.

Еще в 2016 году экологические НКО Евразии приняли «Декларацию Зелёного Шёлкового пути» призывая сформулировать экологическую политику ПиП <http://greensilkroad.net/>. Для гражданского общества это был первый опыт формулирования и предъявления системных требований к социально-экологической ответственности ПиП в целом⁸.

В целях снижения рисков в 2017 г. Министерство охраны окружающей среды Китая (МООС) совместно с Министерством иностранных дел, Министерством торговли и Государственным комитетом по развитию и реформам (ГКРР) выпустили «Руководство по продвижению Зеленого Пояса и пути»⁹. МООС КНР также обнародовал "План сотрудничества в области экологии и охраны окружающей среды в рамках инициативы Шелкового Пути"¹⁰. Руководящие документы описывают комплексную систему мер по экологизации задуманных экономических коридоров и предлагают 25 конкретных пилотных проектов сотрудничества по приоритетным темам.

Важнейший драйвер «Зелёных директив ПиП» - политика строительства экологической цивилизации, реализуемая внутри КНР¹¹. Примеры задач, поставленных Зеленой политикой ПиП:

- Соотнесение "сотрудничества по переносу производственных мощностей" с экологической устойчивостью регионов,
- Создать общих "зелёные стандарты" выполнения проектов за рубежом,
- Развивать "механизмы зеленого финансирования",
- Учреждать "платформы для сотрудничества" (научные, чиновные, для НКО и для бизнеса)
- Внедрять процедуры ОВОС и СЭО в проекты и программы ПиП

8 Eugene A. Simonov: Экологическая Политика "Пояса И Пути" КНР (China's "Belt And Road" Environmental Policies). Шелковый путь. Транссиб. Механизмы сопряжения., Чита, Россия; 11/2017

9 "Руководство по продвижению зеленого Пояса и пути". МООС, МИД, Минкоммерции и ГКРР КНР. 24 апреля 2017
МООС, МИД, Минкоммерции и ГКРР КНР. "Руководство по продвижению зеленого Пояса и пути". 24 апреля 2017
(<https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/12479.htm>)

10 "План сотрудничества в области экологии и охраны окружающей среды в рамках инициативы Пояса и Пути. МООС КНР. Май 2017. МООС КНР. "План сотрудничества в области охраны природы и ООС в рамках инициативы Пояс и путь. Май 2017 <https://eng.yidaiyilu.gov.cn/zchj/qwfb/13392.htm>

11 Симонов Е.А. Мохэ. Путешествие в экологическую цивилизацию в картинках с подстрочником. (документальная повесть). Электронное издание "Экодело" http://ecodelo.org/v_mire/37729-mohe_puteshestvie_v_ekologicheskuyu_civilizaciyu_v_kartinkah_s_podstrochnikom-statia

- Охрана биоразнообразия вдоль коридоров ПиП (т.е. Создание экологических сетей)

- Развивать поставки зелёных технологий остальному миру

Важная установка «Руководства по продвижению Зеленого Пояса и пути»: «При "вспомогательной роли природоохранных мер", обеспечить ведущую роль зеленого развития"», в том числе расширить торговлю экологическими продуктами и природоохранными услугами. В китайских руководящих документах описан широкий спектр мер по продвижению зеленых стандартов производства и потребления, обмену экологическими технологиями, системной экологизации традиционных отраслей производства, созданию обучающих центров, образцовых зон экологического сотрудничества, системы "зеленых финансов" для поддержки проектов "зеленой" промышленности, сельского хозяйства, сферы услуг.

Сегодня, через три года после опубликования «Зелёных директив ПиП», нам неизвестно о каком-либо публичном подведении итогов первых шагов по их реализации.

3.Коридоры ПиП и СЭО на примере КМРЭК

В числе прочих мер зеленые директивы ПиП предполагают внедрение процедур ОВОС и СЭО в разные стадии планирования экономических коридоров, а в качестве первого этапа - оценку фоновое экологического состояния окружающей среды и социальной сферы для выявления проблем, решение которых может быть частью программы создания экономических коридоров. Такая стратегическая оценка также поможет взвешенно расставить приоритеты и обеспечить выбор наиболее перспективных и менее рискованных проектов для первоочередной реализации.

"Китайско - монгольско - российский экономический коридор " (КМРЭК) может служить наглядным доказательством что пока эти благие намерения не внедрены в практику.

Рис. 2. Карта КМРЭК из монгольских источников (ограниченная территорией монголии и окрестностей).

Хотя по нему и принята трехсторонняя программа (2015), КМРЭК не является международным договором, не имеет единого органа управления и специального фонда \ источника финансирования, а программа действует в течение всего 5 лет (до 2021 г. с возможностью пролонгации). Все эти особенности потенциально усложняют контроль и возможности корректировки Программы по экологическим показаниям.

Согласно российской официальной версии (и монгольской прессе) стороны согласовали список из 32 проектов по приоритетным направлениям сотрудничества. При этом, на церемонии подписания президент Монголии жестко заявил, что лучше выбрать для немедленной реализации два-три проекта, чем бесконечно обсуждать длинный список, а китайская сторона не опубликовала никакого списка.

Уполномоченные органы Сторон (Минэкономразвития РФ, МИД Монголии и ГКРР КНР) не реже одного раза в год проводят встречи с целью мониторинга исполнения Программы и согласования необходимых мероприятий. Стороны так и не преуспели в

создании совместного инвестиционного центра для подготовки технико-экономического обоснования проектов. Не проводились и общественные обсуждения проекта Программы, что очевидно снизило её качество и легитимность.

В области обеспечения экологической безопасности и охраны природы сегодня в русле КМРЭК не осуществляется новых инициатив по природоохранному сотрудничеству, кроме уже предусмотренных в рамках ранее учрежденных институтов: трех двусторонних (под) комиссий по охране окружающей среды и трехсторонней комиссии по Международному заповеднику "Даурия". Это связано как с крайне ограниченными человеческими, организационными и материальными ресурсами, уже полностью задействованными в России и Монголии для осуществления текущего сотрудничества, так и с уже сложившейся структурой органов природоохранного сотрудничества, которые мало связаны с министерствами, обеспечивающими координацию выполнения Программы.

Важнейшим недостатком Программы КМРЭК является выделение направления "экология" в отдельную изолированную линию сотрудничества, при отсутствии интеграции задач зеленого развития и обеспечения экологической безопасности в сам механизм планирования и реализации Программы КМРЭК и её проектов.

Важнейшей невыполненной задачей является внедрение в Программу механизмов оценки и мер по охране экосистемных услуг и биоразнообразия в любые совместные проекты по развитию лесного, водохозяйственного, сельскохозяйственного и других ресурсных секторов. Это важно было запланировать при сопряжении схем территориального планирования, которые в КНР уже рутинно включают оценку и охрану экосистемных услуг. Но и само сопряжение схем территориального планирования в пограничных регионах выполнено не было.

Дополнительным существенным упущением в программе КМРЭК является отсутствие системы задач и стимулов в области развития зеленой экономики, что является важнейшей целью «Зеленых директив ПиП». Отсутствие ясных механизмов обеспечения устойчивого развития и экологизации всех аспектов экономической деятельности делает Программу КМРЭК в долгосрочном плане неконкурентоспособной, в том числе при привлечении ответственных инвесторов. Это также увеличивает вероятность вымещения на территорию КМРЭК устаревших, грязных и ресурсоемких производств, которым уже нет места в современном Китае, взявшем курс на создание "Экологической цивилизации", утвержденной на 19 съезде КПК как одна из ключевых задач развития КНР. Примером такого производства

является угольная электростанция Шивее-Овоо, мощностью до 10 ГВт, призванная обеспечить экспорт электроэнергии в северо-восточную Азию, которая уже 10 лет обсуждается монгольской стороной в рамках инициативы GEI (Глобальное энергетическое соединение) с Государственной сетевой корпорацией Китая.

Меж тем, практический опыт китайских соседей в создании зеленой экономики можно изучить, например, в соседнем с Могочинским районом Забайкалья уезде Мохэ, где запрет промышленных рубок ускорил переход на альтернативный экономический уклад. К сожалению, пока обратной стороной такой политики является активное вымещение предприятий лесного комплекса на территорию России без учета экологической емкости территорий и необходимости охраны биоразнообразия.

В результате на 2020 год единственным достижением КМРЭК явилось существенное увеличение транзитного потока грузов, тем не менее составляющее малые доли процента от торговли Китая со странами Евразийского континента. Решения по остальным вопросам застопорились, а дееспособного механизма трехсторонней координации по абсолютному большинству позиций Программы не создано.

С нашей точки зрения ПиП остро нужны механизмы стратегической экологической оценки планов сотрудничества. СЭО-стратегическая экологическая оценка – оптимальный механизм для:

- Выявления приоритетов для сотрудничества и рисков сотрудничества \ конкуренции;
- Учета экологической эффективности (интенсивности) направлений и проектов;
- Планирования сохранения ценных и уязвимых объектов, экологических процессов в т.ч. трансграничных;
- Выявление и отбраковки заведомо проигрышных направлений сотрудничества;
- Проектирование совместных механизмов экологической безопасности и развития зеленой экономики;

Китайский Шелковый путь буксует без СЭО и механизмов общественного участия в принятии решений, а опубликованное три года назад Руководство Зеленого ПиП в этой части так и не реализовано.

4. Механизмы социально-экологической ответственности при международных инвестициях

Уже более десятилетия Правительство КНР также приучает бизнес и банки к ответственному инвестированию за рубежом. Большая часть этих усилий выражается в выпуске рекомендаций и иных руководящих документов непрямого применения, за исполнение которых спросить со строгостью невозможно. Всего ведомствами КНР с 2000 г. издано более 120 руководств, пособий, рекомендаций и стандартов по ответственному инвестированию за рубежом. С ростом геополитической конкуренции вопросы социально-экологической ответственности политизируются, что затрудняет их объективное обсуждение. Но в то же время их значимость повышается, так как часто возникают реальные альтернативы, и альтернативные партнеры готовы их поддержать.

С 2017 года наблюдается уменьшение китайских инвестиций за рубежом, но пока у нас нет оснований говорить, что снижается доля проблематичных проектов. А в таких отраслях как гидроэнергетика она скорее увеличивается. Тем не менее, наличие официальных писанных правил и рекомендаций часто служит отправной точкой для общественных кампаний, направленных на улучшение стандартов инвестиций ПиП. Свежий пример - Кампания за «Качественные» пост-КОВИДные проекты, в которой приняли участие сотни организаций гражданского общества.

Министерство торговли КНР в феврале 2020 официально сообщило что готовит список проектов ПиП, которые нуждаются в финансовой поддержке через Банк развития Китая. Министерство обещало поддерживать только "высококачественные проекты, не нарушающие законов стран присутствия, риски которых поддаются контролю"¹².

265 НКО из 70 стран мира сформулировали критерии для «качественных проектов» и направили в Министерство и банки развития КНР [свои предложения](#)¹³ о

¹² Министерство торговли и Банк развития Китая (2020) №61 "Уведомление о поддержке высококачественных проектов для совместного строительства "Пояса и пути" как наш финансовый ответ на пандемию COVID-19" Ministry of Commerce & China Development Bank (2020) #61, Work Notice On Supporting the High Quality and Cooperative Building of "One Belt One Road" By Unleashing the Role of Development Finance in Response to the COVID-19 Outbreak / 商合函【2020】61号 《关于应对新冠肺炎疫情 发挥开发性金融作用支持高质量共建“一带一路”的工作通知》

¹³ <https://www.sibreal.org/a/30583974.html>

том какой проект считать «качественным», включая три обязательные процедуры и семь запретов.

«Три обязательные процедуры»

– консультации с местными жителями в соответствии со стандартами свободного предварительного информированного согласия и равноправный диалог со всеми затронутыми проектом сторонами, а информация о проекте должна предоставляться населению с самых ранних этапов планирования;

– достоверные, всеобъемлющие, прозрачные оценки воздействия на окружающую среду с рассмотрением всего спектра альтернатив;

– проверка на соответствие стандартам международных инвестиций, в том числе "Зеленым принципам кредитования", иным руководствам по инвестированию, изданным самим Китаем.

«Семь непреложных запретов». Проекты не должны вести к:

Ø негативному воздействию на объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО и Рамсарские водно-болотные угодья, а также на особо охраняемые природные территории;

Ø уничтожению девственных лесов и иных ценных природных территорий;

Ø деградации свободно текущих рек или перекрытию миграционных путей животных¹⁴;

Ø вымиранию популяций редких и угрожаемых видов флоры и фауны;

Ø возникновению или усугублению политических, этнических и прочих конфликтов, в том числе трансграничных;

Ø массовому насильственному переселению местных жителей;

Ø негативному воздействию на культурные и религиозные объекты.

По всему миру активисты также отобрали 60 примеров «некачественных» проектов, каждый из которых нарушает сразу несколько вышеописанных критериев и присовокупили их краткие описания к своей петиции в Министерство коммерции и

¹⁴ Е. А. Симонов: Китай у себя дома и на Шелковом пути: Обзор водно-экологических событий 2017 года. Информационный Бюллетень НИЦ МКБК №50. (in Russian) 2017 Review of Developments in Water Management and Related Environmental Policies in China and in "Belt and Road " Countries. Report number: 50, Affiliation: Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (НИЦ МКБК) Scientific-Information Center of the Interstate Coordination Water Commission of the Central Asia (SIC ICWC), DOI:10.13140/RG.2.2.30271.41125 <http://www.cawater-info.net/library/rus/inf/50.pdf>

еще 20-30 смежных китайских банков и иных учреждений, причастных к инвестициям за рубеж.

В "чёрный список проектов Шёлкового пути" в качестве наглядных примеров вошли несколько российско-китайских начинаний, все они из азиатской России:

- Амазарский целлюлозно-промышленный комплекс (ЦПК "Полярная") с собственным пограничным переходом в Забайкальском крае, уже погубивший рыбную реку Амазар и грозящий последним девственным лесам приграничья. Как раз его профинансировал в 2012 году Банк развития Китая, а теперь не может взыскать с владельцев долги;

- Лесопромышленный проект компании "Хенда – Сибирь", уничтоживший проектируемый заповедник в Томской области;

- Зашуланский угольный разрез в заповедном Красночикойском районе Забайкалья, на паях принадлежащий Группе En+ и компании "Шенхуа", ещё на стадии проектирования лишивший местное население единственной дороги и чреватый иными неприятностями;

- Газопровод "Сила Сибири-2" (в девичестве "Алтай"), которым сначала планировали перерезать заповедное плато Укок, а теперь развернули на Байкальскую природную территорию;

- Канал "Евразия", который планируют проложить из Каспия в Азов через заповедные степи и болота силами компании Синогидро при поддержке властей Казахстана;

- Все угле-нефтегазовые проекты "Ледяного Шёлкового пути" (в России известен как "Северный морской путь"), разрушающие хрупкие арктические экосистемы;

Из не менее актуальных проектов соседних стран в список вошла ГЭС, проектируемая на реке Эгийн Гол – притоке Селенги и угрожающая Байкалу, а также проект переброски вод из реки Онон в реку Ульза, оба на территории Монголии¹⁵.

Из стран Центральной Азии в список вошел только проект ГЭС Рогун в Таджикистане, так как его негативные социально - экономические и экологические воздействия вполне очевидны и хорошо задокументированы. Ряд китайских компаний и банков в 2018-19 годах вело переговоры о финансировании существенной части работ по завершению строительства этой ГЭС. Включение в «чёрный список» должно стать

15 Eugene Simonov (chief ed.), Stephan Doempke (ed) Heritage Dammed: Water Infrastructure Impacts on World Heritage Sites and Free Flowing Rivers. Civil Society Report to the UNESCO World Heritage Committee and Parties of the World Heritage Convention... Rivers without Boundaries and World Heritage Watch. Moscow 2019; 132 pages. ISBN: 978-5-4465-2345-0 <http://www.transrivers.org/2019/2661/> www.transrivers.org/pdf/2019HeritageDammedFinal.pdf

сигналам для китайских банков о рисках и наличии активного общественного мониторинга. Так как запрошенные активисты региона затруднились выявить в регионе иные «некачественные проекты», ссылаясь на недостаток информации, то работа по их выявлению в странах ЦА все еще впереди.

В совокупности, собранные со всего мира 60 "демонстрационных некачественных проектов" угрожают 12 объектам всемирного наследия, 20 международным водно-болотным угодьям и 34 заповедникам и национальным паркам. В ходе их создания нарушается 45 нетронутых речных экосистем и 48 иных ценных природных местообитаний, а также ставятся под угрозу популяции более 600 редких и эндемичных видов фауны и флоры. В 60 случаях проекты идут без согласия общин коренного населения, 49 проектов сопряжены с острыми местными спорами, а 13 чреваты международными конфликтами (см. диаграмму). Эти оценки весьма консервативны из-за недостатка и сокрытия информации, так как в 46 случаях из 60 не проведено качественной оценки воздействий проекта и не проводилось должного публичного обсуждения его последствий с общественностью.

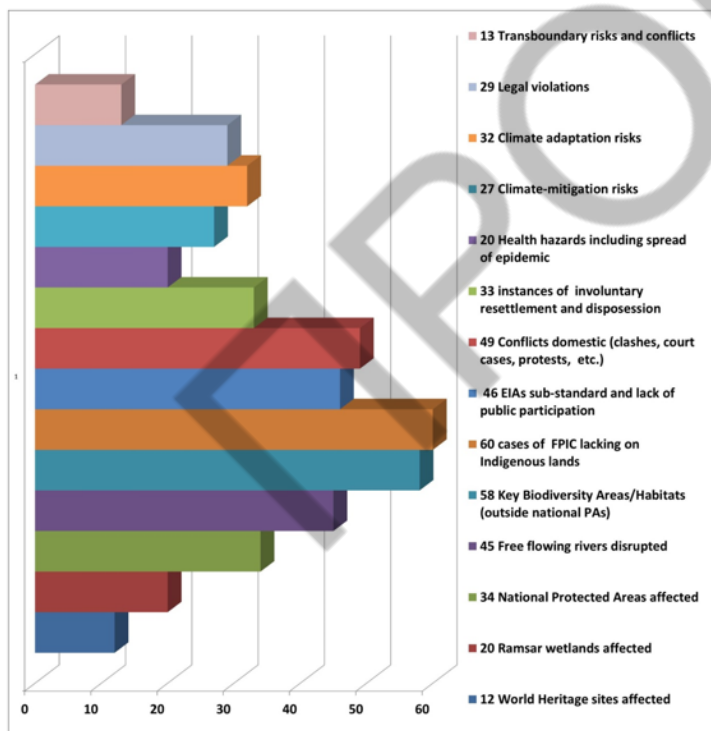

Диаграмма: Совокупные риски 60 "демонстрационных некачественных проектов"

5. Заключение: Готовы ли мы к Зелёному ПиП?

Обстоятельства заставляют Китай спешно «экологизировать» изначально заведомо разрушительную инициативу ПиП. Чуть ли не главной помехой в этом часто становится косность, коррумпированность и примитивность институтов развития в странах-реципиентах.

Ключевой проблемой в экологизации ПиП постепенно становятся не действия китайских контрагентов (часто ориентируемых властями КНР на всестороннее «позеленение» и снижение иных рисков) и даже не малое участие КНР в международных конвенциях, а неподготовленность и отсутствие информации у контрагентов - властей, научных учреждений, бизнеса и общественных объединений в странах где осуществляются проекты ПиП.

Обостряющаяся геополитическая конкуренция также мешает налаживанию конструктивного сотрудничества с китайскими контрагентами, ибо любая критика воспринимается в политической, а не содержательной плоскости.

Тем не менее прогресс в «позеленении» ПиП имеется и его можно продемонстрировать сравнением проектов предлагаемых КНР в рамках ПиП в 2015 и 2020 годах.

Возможности для работы НКО по «позеленению» ПиП в Центральной Азии весьма широки и следующие направления видятся приоритетными:

- Использовать "зелёные политики КНР" и инвестиционные руководства Китая в диалоге с китайскими компаниями;
- Просвещать власти и иных лиц, принимающих решения в регионе о политике зелёного развития и экологических обещаниях КНР, а также о прецедентах зелёного развития в самой КНР;
- Требовать и отслеживать на практике выполнение руководящих документов Зелёного Шёлкового пути на примерах конкретных проектов в регионах;
- Обращаться в китайские органы власти о конкретных бесчинствах со ссылкой на экологические обещания и стандарты КНР;
- Обращаться в правительства собственных стран с предложениями разработки «каталога технологий для зеленого финансирования» (оно же «таксономия финансов для устойчивого развития») на базе подобных документов уже опубликованных Европейским союзом и КНР;

-
- Инициировать проведение СЭО как проектов экономических коридоров ПиП, так и крупных инфраструктурных проектов в этих коридорах;
 - Ускорять создание экологических сетей, систем ООПТ и иных превентивных мер по охране природы до (или в ходе) планирования на территории крупных проектов ПиП;
 - составлять зеленые рейтинги проектов развития как финансируемых в рамках ПиП, так и поддержанных иными донорами пользуясь прозрачными измеримыми критериями оценки;

ПиП полезно рассматривать как повод для диалога о направлениях и методах регионального развития и межрегиональной интеграции, максимально используя при этом альтернативы и возможности, предоставляемые разными сторонами геополитической конкуренции.

Ссылки:

Сайт Rwb: www.transrivers.org

Сайт GSR: <http://greensilkroad.net/>

<https://www.researchgate.net/project/Green-Silk-Road>

ЕВГЕНИЙ СИМОНОВ, Д.О.П. КОАЛИЦИЯ РЕКИ БЕЗ ГРАНИЦ

Казахстан: экологические аспекты программы 55 проектов

Республика Казахстан (РК) является ключевой страной Центральной Азии (ЦА) для Китая, для которой КНР - ближайший сосед и крупнейший торговый партнёр. Китай занимает четвёртое место, после Нидерландов, США и Швейцарии, по объёму прямых иностранных инвестиций в казахстанскую экономику. За период с 1993 по 2019 инвестиции КНР в страну составили \$19,8 млрд¹. За почти 30 лет казахстанско-китайских отношений пройден большой путь от приграничного сотрудничества и бартерных сделок, до стратегического партнерства между странами, в основе которого лежат совместные проекты в энергетическом секторе и несырьевых отраслях экономики². Новым этапом развития двухсторонних отношений стало участие Казахстана в китайской инициативе «Пояс и путь» (ПиП). Однако, реализация программы индустриально-инвестиционного сотрудничества в рамках ПиП породила массу слухов и фобий в стране из-за отсутствия детальной информации. Это касается и экологических аспектов проектов ПиП в стране.

К истории вопроса

Впервые об этой программе заявил премьер-министр Казахстана Карим Масимов в декабре 2014 года, по итогам заседания Совета глав правительств Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Китай предложил правительству страны проект по переносу мощностей на территорию Казахстана. В планах речь шла о десятках предприятий несырьевого сектора и многомиллиардных контрактах. Более того, данный проект планировалось распространить со временем на все страны ШОС³.

1 Топ-10 стран-инвесторов, Комитет по инвестициям МИД РК, <https://www.gov.kz/memleket/entities/invest/activities/1341?lang=ru>, на 07.05.2020

2 Константин Сыроежкин, «Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству», Книга 2, Алматы 2010, с.350.

3 Китай перенесет десятки предприятий в Казахстан», Tengrinews, 15.12.2014, <https://tengrinews.kz/markets/kitay-pereneset-desyatki-predpriyatiy-v-kazahstan-266949/>

В августе 2015 года в Пекине было подписано Рамочное соглашение между Казахстаном и Китаем об укреплении сотрудничества в области индустриализации и инвестиций. Был создан Координационный комитет, ответственный за исполнение соглашения, который возглавили министр по инвестициям и развитию РК и председатель Государственного комитета по развитию и реформе КНР. Определены сферы экономики Казахстана, где будут реализовываться проекты, в соответствии с национальным законодательством, в том числе экологическими требованиями⁴. В декабре 2015 года был одобрен антикризисный план действий правительства и Национального банка РК по обеспечению экономической и социальной стабильности на 2016-2018. Одним из пунктов плана была совместная инвестиционная программа по переносу производств из Китая в Казахстан и её сопряжение с Государственной программой инфраструктурного развития «Нурлы жол»⁵. Программа «Нурлы жол» была принята в апреле 2015 года для реализации транзитного потенциала и обеспечения долгосрочного экономического развития Казахстана⁶.

Однако, совместная программа по переносу из Китая избыточных мощностей не пошла из-за большого количества проблем, среди которых были несогласования в законодательстве и разные системы строительства. Основной вал критики в отношении переноса промышленной инфраструктуры из Китая был связан с экологическими рисками и последствиями ввозимых производств. По мнению одного из ведущих синологов страны и региона Константина Сыроежкина, проблема была в различных подходах к строительству. В Казахстане сначала предоставляют в полном объёме проектно-сметную документацию (ПСД), проводят экспертизу, а затем уже выделяют деньги и начинают строительство. В Китае наоборот, сначала выделяются деньги и сразу начинают строительство, фактически с «колёс». Поэтому проведение экологической экспертизы невозможно, так как нет ПСД, а когда построили и началось производство, уже не до экспертизы. В итоге программу переноса мощностей пришлось трансформировать в программу индустриального развития и открытия

4 Постановление Правительства РК №30 от 27.01.2016, Информационно-правовая система Adilet, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000030>, на 16.08.2020.

5 Юлия Дубовицких, «Правительство приняло антикризисный план на три года», Forbes, 08.12.2015, https://forbes.kz/process/economy/pravitelstvo_prinyalo_antikrizisnyiy_plan_na_tri_goda/

6 Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития "Нұрлы жол" на 2015-2019 годы, https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/hozyaystvennaya_deyatelnost/id-U1500001030/, на 29.08.2020.

новых производств для выпуска экспортно-ориентированной продукции, в основном для Китая⁷.

В августе 2016 года был утверждён план сотрудничества по сопряжению программы «Нурлы жол» и строительства «Экономического пояса Шелкового пути» между правительствами Казахстана и Китая. Целью плана являлось повышение взаимосвязанности инфраструктуры двух стран, продвижения торговли и инвестиций. Особое внимание уделялось сотрудничеству Казахстана с СУАР⁸.

И наконец в сентябре 2016 года министерство по инвестициям и развитию РК проинформировало общественность страны о программе 51 казахстанско-китайского проекта на общую сумму \$26 млрд. При этом министерство подчёркивало, что речь идёт не о переносе действующих предприятий из Китая, а о создании во всех регионах Казахстана новых производств с использованием новейшего оборудования. Все проекты должны будут пройти оценку воздействия на окружающую среду и соответствовать экологическим стандартам страны⁹.

Программа 55 проектов

В итоге Китай запланировал реализовать в Казахстане проекты в металлургии, переработке нефти и газа, химической промышленности, машиностроении, энергетике, легкой промышленности, переработке сельскохозяйственной продукции, транспорте и логистике. Однако до сентября 2019 года, широкой общественности не был известен ни полный список предприятий, ни сама программа индустриально-инвестиционного сотрудничества Казахстана с Китаем¹⁰. На протяжении ряда лет правительство Казахстана и посольство Китая в стране давали самую общую информацию о программе 51 проекта на сумму \$27 млрд без каких-либо существенных деталей¹¹.

7 Майра Медеубаева, «Переноса избыточных промощностей из Китая в Казахстан не будет», inbusiness.kz, 14.11.2018, <https://inbusiness.kz/ru/news/perenosa-izbytochnyh-prommoshnostej-iz-kitaya-v-kazakhstan-ne-budet>

8 Постановление Правительства РК №518 от 31.08.2016, Информационно-правовая система Adilet, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518>, на 16.08.2020

9 «В Казахстан не собираются переносить китайские предприятия - МИР РК», informБЮРО, 07.09.2016, <https://informburo.kz/novosti/v-kazakhstan-ne-sobirayutsya-perenosit-kitayskie-predpriyatiya-mir-rk.html>

10 Константин Сыроежкин, «Казахстан и Китай: анализ последних договоренностей», Central Asia Monitor, 10.10.2019, <https://camonitor.kz/26117-konstantin-syroezhkin-kazakhstan-i-kitay-analiz-poslednih-dogovorennostey.html>

11 Жанболат Мамышев, «Казахстан постарается понравиться Китаю», inbusiness.kz, 12.06.2017, <https://inbusiness.kz/ru/news/kazakhstan-postaraetsya-ponravitsya-kitayu>

Как пояснил в 2016 году вице-министр по инвестициям и развитию Ерлан Хаиров, причина сокрытия информации была в боязни конкуренции и критики со стороны китайских партнёров, которые не давали своё разрешение на оглашение списка компаний¹². По мнению Константина Сыроежкина, ссылки на коммерческую тайну не оправданы, так как Китай дает деньги под государственные гарантии и проекты должны быть прозрачными¹³. Более того, перечень проектов постоянно менялся и был известен лишь узкому кругу специалистов. Как отмечал Константин Сыроежкин, за это время он видел четыре списка совместных казахстанско-китайских проектов, разных по составу объектов, но общих по количеству 51 проект и сумме в \$27,7 млрд¹⁴.

Всё это время особое беспокойство общественности вызывали планы Китая по переносу излишних производств в страну, в первую очередь экологически грязных предприятий¹⁵. Это явилось одной из причин земельных протестов в Казахстане весной 2016 года против долгосрочной аренды земли иностранцам, в первую очередь гражданам Китая¹⁶. Отсутствие прозрачности ещё больше усиливает в обществе недоверие к присутствию Китая в стране, а также порождает различные мифы и фобии, которые обернулись новой волной синофобии в стране¹⁷. Нехваткой широкого и детального освещения совместных проектов со стороны государственных органов Казахстана и Китая воспользовались оппозиционно настроенные граждане страны. В начале сентября 2019 года в ряде городов Казахстана прошли акции протеста и выступления против реализации 55 казахстанско-китайских проектов¹⁸. Протесты прошли на фоне международного осуждения политики, проводимой Китаем в

12 Джамия Каримова, «Перечень новых казахстанско-китайских предприятий не раскрывают чиновники РК», informBIOPO, 21.09.2016, <https://informburo.kz/novosti/perechen-novyh-kazahstansko-kitayskih-predpriyatij-ne-raskryvayut-chinovniki-rk.html>

13 Владислав Юрицын, «Есть «Один Пояс и один Путь» – все остальное распоясанность и беспутье», ZONAKz, 26.09.2018, <https://zonakz.net/2018/09/26/est-odin-poyas-i-odin-put-vse-ostalnoe-raspoyasannost-i-bespute/>

14 Там же

15 Константин Сыроежкин, «Казахстан и Китай: анализ последних договоренностей», Central Asia Monitor, 10.10.2019, <https://camonitor.kz/26117-konstantin-syroezhkin-kazakhstan-i-kitay-analiz-poslednih-dogovorennostey.html>

16 Абдужалил Абдурасулов, «Страх перед Китаем вывел людей в Казахстане на улицы», BBC, 29.04.2016, https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160429_kazakhstan_land_rent_protests

17 Дмитрий Покидаев, «Эксперт: «Получая китайские кредиты, нужно четко осознавать, что их придется возвращать», КУРСИВ, 20.09.2018, <https://kursiv.kz/news/mirovaya-ekonomika/2018-09/ekspert-poluchaya-kitayskie-kredity-nuzhno-chetko-osoznavat-cto>

18 Саня Тойкен, «В трех городах поддержали жанаозенцев, выступивших «против китайских заводов», Радио Азаттык, 03.09.2019, <https://rus.azattyq.org/a/30144369.html>

отношении этнических меньшинств в СУАР. Политолог Максим Казначеев считает, что за рядом протестов стоят интересы местных элит, которые намекают руководству страны на получение своей доли в китайских проектах, а также повышают свой внутриэлитный статус, так как выступать против Китая стало популярно в последнее время в Казахстане¹⁹. Во многом благодаря прокатившимся по стране протестам, а также запросам казахстанских экологов в сентябре 2019 года государственные органы страны опубликовали общую информацию о казахстанско-китайском сотрудничестве и перечень соответствующих проектов²⁰.

Информация была размещена на сайте национальной компании «KAZAKH INVEST», которая официально содействует реализации Рамочного казахстанско-китайского соглашения 2015 года. Согласно опубликованным данным, в Казахстане реализовалось 55 совместных казахстанско-китайских проектов на сумму \$27,6 млрд в таких отраслях как: энергетика 27%, нефтегазохимия и химпром 22%, ГМК и металлургия 15%, пищевая промышленность 9%, машиностроение 9% и другие 18%. Ожидается создание порядка 20 тысяч новых рабочих мест в стране²¹. По оценке международного эксперта-эколога Евгения Симонова, половина китайских инвестиций из перечня проектов приходится на нефть и газ. С другой стороны, эксперт отмечает, что большинство запланированных электроэнергетических проектов связаны со строительством ветро- и солнечных электростанций в Казахстане, что позитивно отличается от ситуации с мизерными инвестициями Китая в возобновляемые источники энергии России²².

Согласно данным Комитета по инвестициям МИД РК на август 2020 года теперь программа включает 56 проектов на общую сумму \$24,7 млрд. С 2015 года запущены 15 проектов на общую сумму \$3,953 млрд, на стадии реализации 17 проектов на \$5,245 млрд, в разработке 22 проекта на общую сумму \$14,852 млрд и в пассивной стадии 2

19 Евгения Ким, «Антикитайские митинги в Казахстане: Внутриэлитная борьба обостряется», REGNUM, 10.09.2019, <https://regnum.ru/news/polit/2714680.html>

20 «Общественный доступ к списку казахстанско-китайских инвестпроектов открыт», Ливень, 03.10.2019, <https://livingasia.online/2019/10/03/obshhestvennyj-dostup-k-spisku-kazahstansko-kitajskih-investproektov-otkryt/>; «Инвестиции Китая и опасения экологов», Радио Азаттык, 02.11.2019, <https://rus.azattyq.org/a/press-review-kazakhstan-remains-nazarbayevs-state/30249381.html>

21 «Строительство казахстанско-китайских инвестпроектов будет вестись в соответствии с законодательством Казахстана», <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazahstansko-kitajskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>, 10.09.2019

22 Eugene Simonov, «Half China's investment in Kazakhstan is in oil and gas», China Dialogue, 29.10.2019, <https://chinadialogue.net/en/energy/11613-half-china-s-investment-in-kazakhstan-is-in-oil-and-gas-2/>

проекта на \$610 млн²³. В 2019 году в рамках программы были завершено строительство двух солнечных электростанций в Алматинской (100 МВт) и Восточно-Казахстанской (30 МВт) областях, запущено производство тракторов в Костанайской области. Данные производства создали около 147 новых рабочих мест²⁴. В своём ответе Комитет особо отмечает, что разрешения на строительство совместных казахстанско-китайских проектов ведутся в соответствии с требованиями казахстанского законодательства и экологических стандартов, а министерство экологии, геологии и природных ресурсов РК, как уполномоченный орган по проведению государственной экологической экспертизы, ведёт работу по каждому проекту²⁵.

Обновлённый перечень проектов находится по той же старой ссылке 2019 года²⁶. К сожалению, текущую информацию о совместных казахстанско-китайских проектах сложно найти, так как она не выделена в специальный раздел ни на сайте компании «KAZAKH INVEST», ни на сайте Комитета по инвестициям МИД РК, не смотря на высокий интерес в обществе к данной теме. Закрытость китайских проектов перед общественностью и населением продолжает оставаться отличительной чертой практически всех инвестиций Китая в стране. И ситуация с прозрачностью кардинальным образом не изменилась с осени 2019 года. В этом убеждаешься, когда начинаешь исследовать ситуацию по конкретным проектам из перечня программы индустриально-инвестиционного сотрудничества.

Цементный завод «Компания Гежуба Шиели Цемент»

Перенос производства цемента является хорошей иллюстрацией того, как Китай, использует ПиП для экспорта за пределы страны избыточных и загрязняющих производственных мощностей. В последние годы, сотни цементных заводов в Китае были закрыты из-за борьбы с загрязнением, а Китайская цементная ассоциация заявила, что к 2020 году планируется ликвидировать около 400 млн тонн

23 Письмо Комитета по инвестициям МИД РК № 1-10/ЖТ-С-400 от 12.08.2020

24 Там же

25 Там же

26 «Строительство казахстанско-китайских инвестпроектов будет вестись в соответствии с законодательством Казахстана», <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazakhstansko-kitayskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>, 10.09.2019

производственных мощностей, примерно 10% от общего объема производства цемента в стране. Оставшиеся производители цемента должны использовать передовые технологии защиты от загрязнения. Так же в стране был наложен запрет на рост новых цементных производств без крайней необходимости.

Крупнейшие китайские компании, такие как Gezhouba, Anhui Conch Cement и Shangfeng Cement ещё в 2018 году заявили об инвестициях в строительство как минимум 18 цементных заводов в Африке, Азии и Южной Америке с общей годовой производительностью более 20 млн тонн, что превышает объем производства в большинстве европейских стран²⁷. Одним из центров переноса производства цемента стала Центральная Азия, где безусловным лидером является Таджикистан. В настоящее время на территории страны действуют 18 цементных заводов. По итогам 2018 года почти 85% производства цемента обеспечивалось за счёт 3 таджикско-китайских совместных предприятий²⁸. Специалисты-экологи уже предупреждают, что рост производства цемента в стране наносит непоправимый вред окружающей среде и здоровью местного населения²⁹.

По мнению казахстанской Ассоциации практикующих экологов, подобная угроза существует и для Казахстана, где нет единых стандартов для загрязняющих веществ от источников выбросов при производстве цемента и не отслеживаются выбросы ртути из цементных печей, как в Европейском Союзе и Китае. Учитывая данные различия, Китаю в рамках ПиП может быть выгодно перенесение цементных заводов в Казахстан, где существуют большие запасы сырья для производства цемента³⁰.

В декабре 2018 года цементный завод ТОО «Компания Гежуба Шиели Цемент», мощностью в 1 млн тонн цемента в год, начал свою деятельность в поселке Шиели, Кызылординской области³¹. Это совместное предприятие ТОО "Корпорация

27 Brenda Goh, Mariya Gordeyeva, «Shuttered at home, cement plants bloom along China's new Silk Road», Reuters, 31.01.2020, <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-cement-insight/shuttered-at-home-cement-plants-bloom-along-chinas-new-silk-road-idUSKCN1PO35T>

28 «В пригороде Душанбе построят новый цементный завод», Фергана, 11.06.2019, <http://fergana.agency/news/108124/>

29 Dirk Van Der Kley, «China shifts polluting cement to Tajikistan», China Dialogue, 08.08.2016, <https://chinadialogue.net/en/pollution/9174-china-shifts-polluting-cement-to-tajikistan/>

30 «Экологические требования к цементным заводам в ЕС, в Китай и в Казахстане», Ассоциация практикующих экологов, 01.02.2019, <https://ecounion.kz/?p=1356>

31 ТОО «Компания Гежуба Шиели Цемент», <https://cggc.business.site/>

DANAKE" и китайской компании Gezhouba Group Cement Co. Ltd³². У компании 17 цементных заводов в Китае и теперь первый завод на территории Казахстана. В планах Gezhouba строительство цементных заводов в Средней Азии и Казахстане, в том числе на западе страны, если будет спрос³³. Данный проект стоимостью \$177 млн входит в перечень казахстанско-китайских индустриально-инвестиционных проектов и является единственным цементным заводом в данном списке³⁴. Однако после запуска предприятия на его деятельность стали поступать жалобы от местных жителей. Так, жители села Ш.Кошманова³⁵ жалуются на дым, пыль и неприятный запах со стороны завода. По их мнению, строительство завода не было согласовано с ними, никто с ними не советовался, не соблюдены санитарные нормы размещения предприятия³⁶.

Действительно, если посмотреть на карте расположение завода, то до ближайших домов не более 500 м.³⁷ Согласно санитарным правилам РК, производство цемента относится к предприятиям 1 класса опасности и санитарно-защитная зона (СЗЗ) для них должна быть не менее 1000 м.³⁸

Для того, чтобы разобраться в ситуации, в июне 2020 года был направлен запрос в Департамент экологии по Кызылординской области на предоставление копии оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС), протокола общественных слушаний и заключения государственной экологической экспертизы по данному проекту. Запрашиваемые документы являются общедоступной экологической информацией согласно статьям 4 и 6 Орхусской конвенции, статей 6 и 11 Закона о доступе к информации РК, статей 163 и 164 Экологического кодекса РК. Департамент

32 «Введён в эксплуатацию цементный завод в Кызылординской области», inbusiness.kz, 11.12.2018, <https://inbusiness.kz/ru/last/vveden-v-ekspluatatsiyu-cementnyj-zavod-v-kyzylordinskoj-obl>

33 Brenda Goh, Mariya Gordeyeva, «Shuttered at home, cement plants bloom along China's new Silk Road», Reuters, 31.01.2020, <https://www.reuters.com/article/us-china-silkroad-cement-insight/shuttered-at-home-cement-plants-bloom-along-chinas-new-silk-road-idUSKCN1PO35T>

34 «Строительство казахстанско-китайских инвестпроектов будет вестись в соответствии с законодательством Казахстана», <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazakhstansko-kitayskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>, 10.09.2019

35 https://ru.wikipedia.org/wiki/Село_Ш._Кошманова

36 «Ауыл тұрғындары Қытаймен біріккен зауыттың жұмысына наразы», Радио Азаттық, 09.09.2019, <https://www.azattyq.org/a/kazakhstan-almaty-kyzylorda-chaina-factory/30154260.html>

37 ТОО «Компания Гежуба Шиели Цемент», 44°09'26.9"N 66°47'52.0"E

38 Санитарные правила РК «Санитарно-эпидемиологические требования по установлению санитарно-защитной зоны производственных объектов», 2015, Информационно-правовая система Adilet, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V1500011124>, на 23.08.2020

перенаправил запрос в РГП «Госэкспертиза», которое проводило комплексную вневедомственную экспертизу проекта, включая экологическую часть. В своём ответе РГП «Госэкспертиза», который был получен только через месяц после повторного запроса, отказало общественности в предоставлении запрашиваемой экологической информации, так как считает её коммерческой тайной и не вправе разглашать без согласия заказчика³⁹. Эту позицию поддерживает и министерство индустрии и инфраструктурного развития (МИИР) РК, в чьём подчинении находится РГП «Госэкспертиза», ссылаясь на правила проведения комплексной вневедомственной экспертизы министерства экономики РК⁴⁰. Министерство экологии, геологии и природных ресурсов РК, которое казалось бы должно стоять на страже экологических прав граждан, также отказало в предоставлении ОВОС и заключения экспертизы, рекомендовав обратиться к заказчику⁴¹.

Таким образом, становится непонятно, как экологическая информация по цементному заводу из перечня 55 проектов вдруг была исключена из режима общего доступа? Каким образом тогда проводились общественные слушания, если ОВОС является коммерческой тайной? Согласно пункту 12 Правил проведения общественных слушаний 2007 года, общественности обеспечивается открытый доступ к экологической информации, относящейся к ОВОС проекта⁴². Известно, что в апреле и декабре 2017 года проводились общественные слушания по проекту⁴³. Следуя логике чиновников, получается, что с участников слушаний взяли подписку о неразглашении?! Вот такие непростые вопросы по, казалось бы, простому и хорошо обоснованному в законодательстве страны вопросу открытого доступа к экологической информации возникают после попытки детального ознакомления с информацией по проекту программы индустриально-инвестиционного сотрудничества Казахстана с Китаем.

³⁹ Письмо РГП «Госэкспертиза» №01-03-06-01/2816 от 25.06.2020.

⁴⁰ Письмо МИИР РК №03-24\ЖТ-С-1153-ЭП от 20.08.2020

⁴¹ Письмо Министерства экологии РК №04-11\ЖТ-С-423 от 05.09.2020.

⁴² Министерство юстиции РК № 4687 от 30.05.2007 года, Информационно-правовая система Adilet, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V070004687>, на 27.08.2020 .

⁴³ «Китайский инвестор построит новый цементный завод в Кызылординской области», Today, 14.08.2017, <http://today.kz/news/ekonomika/2017-08-14/748132-kitajskij-investor-postroit-novyyj-tsementnyj-zavod-v-kyzylordinskoj-oblasti/> ; Письмо МИИР РК №03-24\ЖТ-С-1153-ЭП от 20.08.2020

Проекты и учёт мнения местных жителей

Немаловажную роль в экологической оценке играет учёт мнения местного населения и общественности. С этой точки зрения ряд проектов из перечня вызывает вопросы.

В их числе проект разработки месторождения вольфрамовых руд Улкен Бутуты ТОО «Жетысу Вольфрамы» и компаний Jiaxin International Resources Investment Limited, Jiangxi Copper Company стоимостью \$260 млн в Алматинской области⁴⁴. Проект ещё находится на стадии рассмотрения, но вокруг него уже всплывают скандальные подробности. Так в ходе отчетной встречи с населением в январе 2020 года аким Енбекшиказахского района Алматинской области Бинали Искак сообщил, что компания «Жетысу Вольфрамы» построит завод по переработке вольфрама, а «Жарык-Су LTD» возведет ГЭС мощностью 65 МВт на Бартогайском водохранилище⁴⁵. Хотя против строительства ГЭС выступили жители села Сагыныш, чье согласие хотели получить представители компании «Жарык-Су LTD» в октябре 2019 года. Сельчане считают, что строительство ГЭС и сброс зимой воды по реке Чилик, вместо её накопления в Бартогайском водохранилище, приведёт к дефициту воды для полива в нескольких районах. Не добившись согласия жителей села Сагыныш, 15 ноября 2019 года компания «Жарык-Су LTD» провела общественные слушания в акимате села Шелек и получила «добро». Возмущённые жители обратились в Комитет по водным ресурсам РК и получили обтекаемый ответ «рассмотреть» вопрос. Сельчане предполагают, что ГЭС, планируют строить ради предприятия по переработке вольфрама⁴⁶. В связи с пандемией коронавируса компания «Жетысу Вольфрамы» столкнулась с проблемой привлечения иностранной рабочей силы и запуск проекта отложен до 2022 года⁴⁷.

⁴⁴ «Строительство казахстанско-китайских инвестпроектов будет вестись в соответствии с законодательством Казахстана», <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazakhstansko-kitayskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>, 10.09.2019 ; Майра Медеубаева, «Опубликована часть списка 55 казахстанско-китайских проектов», inbusiness.kz, 19.09.2019, <https://inbusiness.kz/ru/news/opublikovana-chast-spiska-55-kazahstansko-kitajskih-proektov>

⁴⁵ Асылхан Мамашулы, «Проект строительства ГЭС на Бартогайском водохранилище. Тревоги жителей», Радио Азаттык, 09.03.2020, <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-bartogai-hpp-construction-plans/30476964.html>

⁴⁶ Там же

⁴⁷ Екатерина Журавлева, «Запуск проекта с китайскими инвестициями отложили на два года», LS, 24.04.2020, <https://lsm.kz/stroitelstvo-zavoda-nachnetsya>

Другим проектом, также на стадии рассмотрения, является строительство перерабатывающего комплекса для производства калийных минеральных удобрений ТОО «Батыс-Калий» и компаний Kazakhstan Potash Corporation, CITIC Construction Co Ltd, China New Era Group Corporation. Проект стоимостью \$3 млрд планировалось реализовать в Актюбинской и Западно-Казахстанской областях⁴⁸. Против реализации проекта активно выступали жители г.Актобе. Проект предусматривал разработку Жилинского месторождения калийных солей буквально на окраине города, вблизи микрорайона «Нур Актобе» и поселка Каргалинское. По оценке местного департамента экологии, только от деятельности горно-обогатительного комбината вредные выбросы составят от 3,5 до 4 тысяч тонн в год, а отходы от добычи и производства будут складироваться вблизи месторождения⁴⁹. Количество отходов составит 2 миллиона 400 тысяч тонн в год⁵⁰. По мнению профессора Западно-Казахстанского медицинского университета Арыстана Мамырбаева токсическая пыль с месторождения и отвалов неизбежно приведёт к росту заболеваний и патологий у жителей Актобе, в первую очередь, у детей⁵¹. Весной 2016 года жители обратились с петицией к президенту РК Нурсултану Назарбаеву не допустить разработку Жилинского месторождения из-за серьезной обеспокоенности по поводу загрязнения окружающей среды и потенциального ухудшения здоровья людей. Петиция и сбор подписей вызвали негативную реакцию акима области Бердибека Сапарбаева, который назвал законные действия граждан «нелегальными действиями» и «пропагандой», и собирался разыскать сборщиков подписей и наказать⁵². Дальнейшая реализация проекта приостановилась по неизвестной причине⁵³. Летом 2020 года

48 Майра Медеубаева, «Опубликована часть списка 55 казахстанско-китайских проектов», inbusiness.kz, 19.09.2019, <https://inbusiness.kz/ru/news/opublikovana-chast-spiska-55-kazahstansko-kitajskih-proektov>

49 Ренат Таипов, «Китайская компания будет травить Актобе минимум 45 лет», Актобе Таймс, 22.10.2015, <http://aktobetimes.kz/centralnaya-verhnyaya-novost/1344-kitayskaya-kompaniya-budet-travit-aktobe-minimum-45-let.html>

50 Ренат Таипов, «Разработка Жилинского месторождения в первую очередь ударит по детям», Актобе Таймс, 25.03.2016, <http://aktobetimes.kz/centralnaya-verhnyaya-novost/2033-razrabotka-zhilyanskogo-mestorozhdeniya-v-pervuyu-ochered-udarit-po-detyam.html>

51 Там же

52 «Когда гражданские права противоречат закону – история нежелательной петиции», stop-persecution.org, 2016, <https://stop-persecution.org/ru/kazakhstan-aktobe-saparbayev-petition-2> ; Багдат Асылбек, «Год у руля. Чем запомнился Сапарбаев за год работы в Актобе», Диапозон, 13.09.2016, <https://diapazon.kz/news/67984-god-u-rulya-chem-zapomnilsya-saparbaev-za-god-raboty-v-aktobe>

53 «Kazakhstan Potash Company приступает к разведке калийных месторождений Западного Казахстана», MINEX Forum, 02.04.2019, <https://www.minexforum.com/kazakhstan-potash-company-pristupaet-k-razvedke-kalijnyh-mestorozhdenij-zapadnogo-kazaxstana/>

проект исчез и с перечня на сайте компании «KAZAKH INVEST»⁵⁴. Возможно, негативное отношение жителей Актобе и общественности к проекту тоже сыграло свою роль.

Выводы

В последнее время в Казахстане наметилась отчетливая тенденция роста антикитайских настроений, которая во многом обусловлена не столько усиливающимся присутствием Китая в стране, сколько закрытостью информации о реализуемых и готовящихся к реализации проектах и контрактах. Именно это порождает слухи и фобии, которые как раз и являются почвой для всевозможных громких заявлений оппозиционных партий и общественных деятелей⁵⁵. В данном случае, государственные органы страны сами создают себе трудности, а потом начинают их героически преодолевать, как это было осенью 2019 года с программой 55 проектов. Уполномоченным государственным органам давно пора создать специальный информационный ресурс с текущей информацией о казахстанско-китайском сотрудничестве и реализуемых проектах. Например, как портал СПЕС Пакистанско-китайского института, который служит для распространения информации о проектах китайско-пакистанского экономического коридора (China Pakistan Economic Corridor, СПЕС) и обеспечения связи с заинтересованными сторонами⁵⁶.

Это касается и экологических аспектов программы индустриально-инвестиционного сотрудничества Казахстана с Китаем. Детальная и публичная экологическая информация по проектам могла бы значительно смягчить степень недоверия к ним, и помочь государственным органам страны, совместно с общественностью, решать возникающие проблемы, а они там есть, как показывает даже поверхностный обзор. В интересах населения и окружающей природной среды Казахстана.

И здесь стоило начать с публичного обсуждения самого перечня проектов и экологических критериев их отбора для включения в программу индустриально-

⁵⁴ «Строительство казахстанско-китайских инвестпроектов будет вестись в соответствии с законодательством Казахстана», <https://invest.gov.kz/ru/media-center/press-releases/stroitelstvo-kazakhstansko-kitayskikh-invest-proektov-budet-vestis-v-sootvetstvii-s-zakonodatelstvom/>, 10.09.2019

⁵⁵ Константин Сыроежкин, «Казахстан – Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству», Книга 2, Алматы 2010, с.354

⁵⁶ <http://www.cpecinfo.com>

инвестиционного сотрудничества. Общественность страны имеет на это право на основании статьи 7 Орхусской конвенции. К сожалению, с её соблюдением в Казахстане существуют большие проблемы, как показывает решение Комитета по соблюдению конвенции по заявлению АССС/С/2013/88⁵⁷. Соккрытие же экологической информации и не участие общественности в обсуждении казахстанско-китайских вопросов, связанных с окружающей средой, помимо нарушения положений национального законодательства и международных соглашений, будет только усугублять недоверие к сотрудничеству с Китаем.

От уполномоченных государственных органов страны требуется:

- неукоснительное выполнение положений Орхусской конвенции и национального экологического законодательства в отношении любых инвестиционных казахстанско-китайских проектов.

- предоставление детальной информации по проектам казахстанско-китайского сотрудничества на самом раннем этапе, иначе невозможно эффективное участие общественности в обсуждении их экологических аспектов.

- обсуждение с общественностью и приоритет на включение в программу казахстанско-китайского индустриально-инвестиционного сотрудничества «зелёных» проектов и «зелёных» технологий.

- казахстанско-китайские проекты и оценка воздействия на окружающую среду должны обсуждаться с местным населением, а мнение людей учитываться в процессе принятия решений.

СЕРГЕЙ СОЛЯНИК, КОНСУЛЬТАНТ CRUDE ACCOUNTABILITY

⁵⁷ Выводы и рекомендации по сообщению АССС/С/2013/88 в отношении соблюдения Конвенции Казахстаном, <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/env/pp/compliance/CC-58/ece.mp.pp.c.1.2017.12.r.pdf>

Казахстан: нарушения китайским сельхозпроизводителем требований по пестицидам

В апреле-мае 2016 года массовые протесты среди населения вызвали поправки к земельному законодательству, принятые в конце 2015 года и предусматривавшие увеличение срока аренды сельскохозяйственных земель для иностранных граждан и компаний с 10 до 25 лет. Они были введены в Земельный кодекс Законом Республики Казахстан от 2 ноября 2015 года, № 389-V. Вкупе с появившейся неофициальной информацией о планах Правительства по передаче больших объемов земель иностранным сельхозпроизводителям это вызвало серьезные опасения в обществе по поводу возможных политических, социальных и экологических последствий таких решений¹. Особые опасения общественное мнение связывало и связывает с сельхозпроизводителями из Китая, в том числе сформированное публикациями об опыте аренды земель китайскими фермерами в приграничных районах российского Дальнего Востока².

Юридическая формулировка Земельного кодекса, вызывавшая основное беспокойство в обществе, звучит следующим образом: «Иностранцы, лица без гражданства, иностранные юридические лица, а также юридические лица, в уставном капитале которых доля иностранцев, лиц без гражданства, иностранных юридических лиц составляет более чем пятьдесят процентов, могут обладать земельными участками сельскохозяйственного назначения только на праве временного землепользования на условиях аренды сроком до двадцати пяти лет.». В результате массовых протестных настроений в обществе на ее применение был введен мораторий до 31 декабря 2021 года в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2016 года №248³. Данный мораторий, а также уголовные наказания, примененные в отношении

1 www.bbc.com/news/world-asia-36163103

2 Андрей Захаров, Анастасия Напалкова. "Уедут китайцы - все зарастет": как фермеры из КНР осваивают российский Дальний Восток. Би-би-си, 21 октября 2019 года, <https://www.bbc.com/russian/features-49978027>

3 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», http://adilet.zan.kz/rus/docs/K030000442_

Макса Бокаева и Талгата Аянова, временно снизили накал страстей в Казахстане. вокруг «земельного вопроса». Однако, мораторий на применение нормы о передаче в аренду иностранцам сельскохозяйственных земель действует лишь до конца следующего года. Вопрос развития сельского хозяйства с активным вовлечением зарубежных фермеров хоть и отложен, но остается открытым.

Одно из основных беспокойств, связанных с увеличением срока аренды сельскохозяйственных земель иностранцами, касалось экологических рисков незаконного применения пестицидов. Необходимо отметить, что этот аспект вызывает интерес не только в Казахстане, но рассматривается и на международном уровне, в качестве примера можно привести публикацию Организации Объединенных Наций «Foreign land purchases for agriculture: what impact on sustainable development?»⁴. В ней было отмечено, что во многих принимающих странах мира «законы по пестицидам, гербицидам, охране биоразнообразия и т.д. отсутствуют. Это создает риски для других водопользователей, управления земель и долгосрочной устойчивости проектов». В Казахстане принято и действует национальное законодательство по регулированию пестицидов, охране земель и биоразнообразия. В то же время в последнее десятилетие в стране наблюдается тенденция на резкое ограничение проверок соблюдения законодательства государственными контролирующими органами и продвижения саморегулирования субъектами бизнеса. Первоначально этот подход продвигался на основе положений по ограничению инспекционных проверок Закона 2006 года «О частном предпринимательстве», а в настоящее время соответствующие положения включены в Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29 октября 2015 года⁵. В середине 2010-х годов в стране были ликвидированы экологическое министерство и система государственного санитарно-эпидемиологического надзора, которые были восстановлены к концу десятилетия. В то же время это привело к возросшему недоверию общественности к государственной системе контроля и регулирования экологических требований. Оно проявляется в развитии общественного мониторинга за качеством атмосферного воздуха, вырубкой зеленых насаждений в городах Казахстана, что приводит к необходимости государственных органов

4 Sustainable Development Innovation Briefs. Issue 8, January 2010, https://www.un.org/esa/dsd/resources/res_pdfs/publications/ib/no8.pdf

5 Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет», <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000375>

реагировать на такие возросшие общественные запросы в отношении экологических аспектов жизни.

В то же время в сельской местности население остается менее инициативным, поэтому нередко экологические риски в сельской местности носят более латентный характер и это затрудняет привлечение общественного внимания к ним. В качестве примера можно привести случай с незаконным ввозом и применением пестицидов ТОО “Long Xin” весной 2016 года. Земельный участок площадью 14754 гектаров был выделен ТОО “Long Xin” 19 октября 2015 года сроком на 10 лет. Он находится на территории Карабаского сельского округа Бескарагайского района Восточно-Казахстанской области. Участок использовался для выращивания подсолнечника, сои, бахчевых и кабачков. В мае 2016 года обнаружилось многочисленных нарушения китайским предприятием, в том числе требований по пестицидам. Аналогичные нарушения в больших городах Казахстана вызвали бы гораздо более широкий резонанс в обществе несмотря на закрытость информации по китайским инвестициям. Этот случай в Восточно-Казахстанской области показателен еще и тем, что в условиях единичного случая передачи в аренду сельскохозяйственных земель китайскому сельхозпредприятию за короткое время возник целый ряд пока неразрешимых проблем с соблюдением экологических требований.

Выявленные серьезные нарушения связаны с незаконным ввозом и применением ТОО “Long Xin” пестицидов китайского производства. В мае 2016 года в ходе внеплановой проверки Комитета государственной инспекции в агропромышленном комплексе Министерства сельского хозяйства были обнаружены 97 бочек пестицида трифлуралин 480 и общим объемом 19400 литров. Обнаруженный пестицид не был зарегистрирован в установленном порядке. Был установлен факт их применения, 22 бочки оказались пустыми, все 97 бочек не имели маркировки. Незаконные транспортировка, хранение и применение пестицидов признаются административным правонарушением в соответствии со статьей 377 Кодекса об административных правонарушениях⁶. Согласно письму Министерства сельского хозяйства от 13 февраля 2017 года за данное нарушение на ТОО “Long Xin” был наложен штраф в размере 106050 тенге (около 315 долларов США).

Кроме того, было установлено, что импорт незарегистрированного пестицида из Китая производился непосредственно самой компанией. Он был осуществлен с

6 Там же, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#3239>

нарушением специальных правил перемещения через таможенную границу, установленных как национальным законодательством, так и решениями по Евразийскому экономическому союзу. Данное нарушение могло квалифицироваться как экономическая контрабанда в соответствии со статьей 234 Уголовного кодекса⁷. Однако импорт был осуществлен в обход требований по государственной регистрации пестицидов и санитарно-эпидемиологическому надзору на таможенной границе. Это было сделано на основании письма Департамента по защите прав потребителей Восточно-Казахстанской области от 16 апреля 2016 года, подтверждающее освобождение ввозимого трифлуралина от требований государственной регистрации импортируемых пестицидов. Данное действие также могло квалифицироваться в качестве уголовно наказуемого деяния (служебного подлога) на основании статьи 369 Уголовного кодекса. Однако, несмотря на депутатский запрос, направленный в Правительство в январе 2017 года на основе моего обращения в Парламент должностные лица ТОО “Long Xin” и Департамента по защите прав потребителей Восточно-Казахстанской области не были привлечены к уголовной ответственности. Китайская компания продолжает свою деятельность на территории Казахстана.

Что касается регулирования воздействий пестицидов на здоровье людей и окружающую среду, то в стране действует Закон от 3 июля 2002 года № 331 «О защите растений». Его положения применяются в целях реализации задачи государственной политики по предупреждению и предотвращению вредного влияния пестицидов на здоровье людей, загрязнения сельскохозяйственной продукции, окружающей среды при проведении фитосанитарных мероприятий. Одним из подходов к регулированию воздействия пестицидов является применение только тех из них, которые включены в специальный список разрешенных пестицидов. В настоящее время действует Список пестицидов (ядохимикатов), разрешенных к применению на территории Республики Казахстан на 2013-2022 годы, утвержденный приказом Председателем Комитета государственной инспекции в агропромышленном комплексе Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан от 1 августа 2017 года № 234-н. В него включаются пестициды, прошедшие государственную регистрацию на основе результатов испытаний. Кроме того, в отношении импорта пестицидов применяются Единые санитарно-эпидемиологические и гигиенические требования к продукции (товарам), подлежащей санитарно-эпидемиологическому надзору (контролю), утвержденные

7 Там же, <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z0>

Решением Комиссии Таможенного союза от 28 мая 2010 года № 299. Данный документ включает специальный Раздел 15, определяющий требования к пестицидам и агрохимикатам. Эти требования также предусматривают разрешительный порядок импорта пестицидов на основе включения в государственный каталог (реестр) по результатам их токсиколого-гигиенической оценки⁸.

В качестве заключения в первую очередь нужно отметить, что административный штраф в размере 50 минимальных расчетных показателей (в настоящее время это около 330 долларов США), предусмотренный для субъектов среднего предпринимательства, является явно несоразмерным. Издержки, связанные с государственной регистрацией и токсиколого-гигиенической оценкой пестицидов, значительно превышают размер данного штрафа. Это создает неправильные экономические стимулы для применения нелегальных пестицидов и особенно в случае зарубежных сельхозтоваропроизводителей, у которых больше возможностей импортировать их из другой страны в обход установленных правил. Уголовное преследование в отношении предпринимателей из супердержав зачастую приобретает политическую окраску в Казахстане, поэтому вряд ли стоит рассчитывать в случае китайских предпринимателей на более суровые санкции, предусмотренные уголовным законодательством Казахстана.

В более широком аспекте нужно отметить, что расследование данного кейса по Восточно-Казахстанской области потребовало чрезвычайно осторожного и консервативного подхода. Тематика китайских инвестиций остается в Казахстане, пожалуй, что наиболее конфликто-чувствительной тематикой и связывается с высокими рисками уголовного преследования за распространение заведомо ложной информации на основе положений статьи 274 Уголовного кодекса. Долгое время ни один журналист не брался за публикацию по данным нарушениям, даже после их подтверждения на основе депутатского запроса. Лишь после резонансной публикации автора в сети Facebook на освещение данного случая решился Первый канал «Евразия». Однако и публикация в СМИ не привела к действенным мерам по привлечению к ответственности за нарушения виновных лиц. Сложившаяся система закрытости информации по китайским инвестициям приводит к еще большей непрозрачности принимаемых решений, возможностей совершения компаниями и должностными лицами нарушений без риска наказаний за них. В свою очередь это создает

⁸ Сайт Евразийской экономической комиссии, http://www.eurasiancommission.org/ru/act/texnreg/depsanmer/sanmeri/Pages/P2_299.aspx

дополнительные возможности для снижения уровня применяемых экологических стандартов и косвенно создает преференциальный режим для деятельности китайских компаний в Казахстане. Необходимо обеспечить режим открытости информации по китайским инвестициям и создание равного режима их деятельности с зарубежными инвесторами из других стран, обеспечивающего соблюдение китайскими компаниями экологических и иных требований национального законодательства и международных соглашений Казахстана.

ВАДИМ НИ, ЧЛЕН ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ОФ «СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ФОНД»

ПРОЕКТ

Кыргызстан: проблемы реализации горнорудных проектов¹

Для Кыргызстана Китай – один из важнейших экономических партнеров. В Кыргызстане действуют 397 китайских предприятий и еще 170 совместных кыргызско-китайских предприятий. Большой приток ресурсов в государственные инфраструктурные проекты привел к быстрому росту государственного долга Кыргызстана перед Эксимбанком Китая. По состоянию на 2019 год, Кыргызстан должен Китаю около 1,7 миллиардов долларов. Все инфраструктурные займы предоставлены правительством Китая на льготных условиях с эффективными процентными ставками 1,86-2,5 % годовых, периодами погашения займов в 20–25 лет и льготными периодами 5-11 лет. По словам исследователя Данияра Молдоканова, условия китайских кредитов очень непрозрачны: *«Если брать кредиты у МВФ или Всемирного Банка, то там есть четкий прозрачный список правил, одинаковый для всех. Условия китайских кредитов менее прозрачны и зависят от того, как стороны договорятся»*. По его мнению, кыргызстанские власти берут деньги у Китая, потому что *«это проще, быстрее и нет никакой волокиты»*².

Льготные кредиты для проектов в области инфраструктуры и технической помощи предусматривают, что не менее половины материалов, оборудования, технологии и услуг, закупаемых по контракту, должны поступать из Китая. Другим ключевым условием лёгкого кредитования является вовлеченность китайских компаний, что позволяет китайским государственным предприятиям расширяться за границей, приобретая зарубежные контракты и ресурсы.

Вклад этих проектов в занятость в стране вряд ли можно назвать значительным, поскольку инфраструктурные проекты реализуются китайскими компаниями с использованием весьма ограниченного числа работников из Кыргызстана. В стране

¹ В данном материале не учитывается влияние пандемии COVID-19

² <https://kloop.kg/blog/2019/11/06/strah-i-nenavist-na-solton-sary-istoriya-o-tom-pochemu-my-nuzhny-kitayu-a-on-nuzhen-nam/>

имеется 10–15 предприятий с большими китайскими инвестициями (ПКИ)³. На каждом из этих предприятий занято от 100 до 500 работников из Кыргызстана (и сравнимое число работников из Китая), так что общее число новых рабочих мест для кыргызстанских работников равно нескольким тысячам или 0,1–0,3 % общего числа занятых в стране (2,4 млн человек в 2016 г.). Опыт осуществления китайских проектов в стране говорит о том, что китайские специалисты сами обслуживают свои объекты и основной доход могут составить лишь средства за транзит и землепользование.

По данным на уровне предприятий, предоставляемым министерством финансов, в 2017 г. основные китайские предприятия заплатили в бюджет 3,66 млрд сомов в виде налогов⁴. Это составило 2,5 % общих доходов государственного бюджета⁵ в этом году. Из этой суммы две трети было заплачено одним предприятием - НПЗ Джунда. Все горнодобывающие предприятия с китайским участием заплатили в бюджет 1,18 млрд сомов (17,1 млн долларов США).

В итоге, получается, что основная масса капитала КНР в рамках инициативы «Пояс и путь» (ПиП) реализуется не в форме долгосрочных вложений в местную экономику, а через финансирование зарубежной деятельности китайских государственных корпораций. На такие китайские компании приходится абсолютно большая часть подобных проектов (по различным оценкам, от 80% до 90%)⁶.

Таким образом, анализируя опыт сотрудничества между Кыргызстаном и Китаем, можно выделить основные характеристики китайских инвестиций:

соглашения заключаются без надлежащего информирования общественности и условия, как правило, не представлены в публичное пространство;

главной подрядной организацией в реализации проекта назначается китайская компания;

принимающая сторона должна дать определенную квоту на рабочую силу из КНР.

Часто китайская сторона привлекает собственную неквалифицированную рабочую силу;

³ По данным НСК, в 2016 г. было зарегистрировано 567 предприятий, полностью или частично принадлежащих гражданам КНР. Однако большинство этих предприятий или малы, или не действуют.

⁴ эквивалентно 53,2 млн долларов США по среднегодовому обменному курсу 68,87 сомов/доллар США в 2017 г.

⁵ Государственный бюджет объединяет республиканский бюджет и местные бюджеты

⁶ <https://caa-network.org/archives/18074>

при строительстве объектов продвигается использование материалов и оборудования китайского производства. В результате, инвестируемый проект автоматически получает заказ для китайской компании;

указанные материалы импортируются порой беспошлинно или по значительно сниженным условиям;

часто проекты сопровождаются обвинениями в коррупции и социальными конфликтами за рабочие места.

Социально-экологические конфликты в золоторудной промышленности

Одно из крупнейших месторождений Талды-Булак Левобережный (запасы золота оцениваются в 78 т) разрабатывает компания «Алтынкен», 60% акций которой принадлежит китайской компании Superb Pacific Limited, дочерней компании крупнейшего в Китае разработчика недр Zijin Mining. Общий объем китайских инвестиций в реализацию проекта превышает \$200 млн. В прошлом было много нареканий по влиянию данного проекта на грунтовые воды и месту расположения хвостохранилища. Данный проект проходит по схеме «ресурсы в обмен на инвестиции», что изначально вызывало социально-экологические конфликты⁷.

Также, в рамках программы «Инвестиции в обмен на месторождения», в 2008 году было передано месторождение Иштамберди китайской компании Full Gold Mining. Эта компания взяла на себя обязательства вложить 112 млн долларов инвестиций. Согласно информации ГКРЭН⁸, китайские компании реабилитировали дорогу Ош-Сарыташ-Иркештам с 190 по 240 км, за что в 2011 получили для освоения золоторудное месторождение Иштамберды. Проект строительства дороги был оценен в 25 млн 300 тысяч долларов. Полный цикл производства золота на месторождении был налажен к 2016 году.

Однако из-за возникающих конфликтов, непонимания между местным населением и руководством компании работа на предприятии не стабильна. В последний раз летом 2018 года местные жители выступили против разработки рудника китайской компанией. Вышедшие на акцию протеста потребовали пересмотра условий инвестиционного соглашения, а также соблюдения экологических и

⁷ https://m.gezitter.org/economics/6003_segodnyashnee_pravitelstvo_prodoljaet_shemu_bakieva/

⁸ Государственный комитет по промышленности, энергетике и недропользования Кыргызской Республики

технических норм при разработке месторождения⁹. Местные жители вышли на митинг с требованием приостановить разработку месторождения до решения экологических вопросов¹⁰. От компании потребовали выплату компенсации и перенос хвостохранилища в другое место. Межведомственная комиссия установила мелкие недостатки в разработке месторождения. По факту проникновения местных жителей на территорию золоторудного месторождения возбуждено уголовное дело по статье «Хулиганство». Разработку золоторудного месторождения Иштамберди в Ала-Букинском районе временно приостановили.

Скандалы также сопровождают и компанию «Кичи Чаарат», которая разрабатывает месторождение Куру-Тегерек в Чаткальском районе (свыше 39 тонн золота и более 354 тонн меди). В 2013 году было возбуждено дело по факту сокрытия крупной суммы налогов руководством компании «Кичи-Чаарат»¹¹. Сотрудники компании «Кичи-Чаарат» неоднократно выступали с претензиями по условиям и оплате труда¹². В марте 2018 года Генпрокуратура возбудила уголовное дело в отношении руководства «Кичи-Чаарат» и чиновников ГКПЭ. В течении 13 лет компании незаконно продлевали лицензию на разработку Куру-Тегерек без технико-экономического обоснования и проекта разработки. По закону ГКПЭН должен был отозвать лицензию у компании и объявить аукцион на месторождение, чтобы привлечь других потенциальных инвесторов. Чиновников и руководство компании обвинили в злоупотреблении должностным положением, незаконным использованием служебного положения и нарушении правил охраны и использования недр. Помимо вопроса с лицензией прокуроры выявили еще три нарушения в деятельности компании, которые нанесли реальный денежный ущерб государству и одной местной компании: «Кичи Чаарат» в 2015-2017 годы самовольно, без разрешений добывала песок, гравий и суглинок в пойме реки Чакмаксуу. Ущерб бюджету оценивают в 170 млн сомов. В результате самовольного возведения компанией дамбы и других объектов на руднике уничтожено не менее 59 кг запасов золота. Причиненный ущерб стране предварительно составляет более 168 млн сомов.

⁹ https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_gold_mines/29576512.html

¹⁰ https://24.kg/obschestvo/88163_razrabotku_mestorojdeniya_ishtamberdi_vremenno_priostanovili/, https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_gold_mines/29576512.html

¹¹ https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_gold_mines/29576512.html

¹² <https://kloop.kg/blog/2019/07/13/gornorudniki-kichi-chaarat-nedovolny-usloviyami-i-oplatoj-truda/>

Чиновники ГКПЭН, зная о начале строительства объектов «Кичи Чаарат», незаконно провели переговоры с местным ОсОО «А.Б.», и выдали ему лицензию на право пользования недрами участка Чакмаксуу. «Кичи Чаарат» к этому времени уже выставила охрану и огородила территорию месторождения. В итоге, заплатившая за лицензию 5.3 млн сомов «А.Б.» не имела доступа к геологоразведке¹³.

Месторождение Шамбесай в Кадамжайском районе тоже является причиной разногласий разработчиков с местными жителями. Существуют две разные версии о запасах золота на этом месторождении. Местные жители берут за основу старые документы и заявляют, что прогнозные запасы золота составляют свыше 8 тонн. Компании же использует уже уточненные после разведочных работ данные, которые существенно отличаются от прогнозных. Разведка на месторождении началась в 2007 году, в 2012 году была выдана лицензия на разработку. С тех пор несколько раз сменились владельцы месторождения, но информирование общественности оставляет желать лучшего. Право на разработку Шамбесая получила китайская компания «Тианди», которая заявила, что готова вложить свыше 3 миллиардов сомов в разработку месторождения, из которых около 300 млн сомов могут поступить в бюджет страны.

Местные жители считают, что если на месторождении начнут добывать золото, то будет нанесен вред реке Исфайрам и окружающей среде. В этой связи они выступают против разработки месторождения¹⁴.

Жители села Казарман в феврале и марте 2018 года неоднократно выходили на акции протеста против строительства золотоизвлекающей фабрики. Они требовали у руководства компании показать им разрешительные документы на строительство и оценку воздействия на окружающую среду (ОВОС). В ходе инспекторских проверок было отмечено, что строительство золотоизвлекающей фабрики было начато без разработки ОВОС и, следовательно, без получения положительного заключения государственной экологической экспертизы.

11 апреля 2018 года более 250 жителей Тогуз-Тороуского района вышли на митинг и подожгли строящуюся золотоизвлекательную фабрику «Джи Эл Макмал Девелопинг» на месторождении Макмал. По сообщению МВД, там должна была состояться встреча местных жителей с межведомственной комиссией, однако еще до

¹³ <https://economist.kg/2019/08/15/kitajskoe-zoloto-zapustilo-na-mestorozhdenii-kuru-tegerek-zolotoobogatitelnuju-fabriku-foto/>

¹⁴ https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan_gold_mines/29576512.html

начала выступления комиссии, собравшиеся «начали кидать камни» в их сторону. Местные жители ворвались на территорию фабрики и подожгли строящиеся здания и технику. Вызванная на место пожарная машина не смогла подъехать к горящим зданиям из-за заблокированной дороги¹⁵. В стычках пострадали трое милиционеров, стоявшие в оцеплении. Участники акции протеста потребовали прекратить работу китайской компании «Джи Эл Макмал Девелопинг». По мнению митингующих, предприятие наносит экологический вред региону. Сумма ущерба в результате беспорядков составила \$2,3 миллиона. Работу компании приостановили¹⁶.

Любопытным является то, что золотодобывающий комбинат «Макмалзолото» работает в Казармане ещё с 1985 года и с тех пор добыл из руды с использованием цианидов не меньше 20 тонн золота. Это одно из самых больших производств такого типа в Кыргызстане, оно принадлежит и управляется государственной золотодобывающей компанией «КыргызАлтын». Не смотря на то, что китайской компании «Джи Эл Макмал Девелопинг» планировалось использовать менее опасные химические вещества, волна протеста была обращена именно против новой фабрики и не коснулась действующего предприятия, что говорит о возможной конкурентной борьбе за ресурсы.

5 августа 2019 года в Нарынской области на месторождении Солтон-Сары произошел конфликт между местными жителями и китайскими рабочими золотодобывающей компании Zhong Ji Mining. Жители сел Нарынского района озвучили требования о приостановлении деятельности китайской компании Zhong Ji Mining на золоторудном месторождении. Количество собравшихся составляло около 300 человек¹⁷. Стороны закидали друг друга камнями. Более 20 человек обратились за медицинской помощью. Протестующие потребовали прекратить работу компании, вывезти с территории месторождения сотрудников китайской компании. Они заявили чиновникам, что сами сделают это, если власти не выполнят их требование в течение ближайших трех часов¹⁸. Требования они объяснили тем, что после разработки месторождения в этой местности наблюдается массовый падеж скота.

¹⁵ <https://kloop.kg/blog/2018/04/11/podzhog-zolotoizvlekayushhej-fabriki-v-dzhalal-abade-chto-proishodit/>

¹⁶ https://24.kg/obschestvo/144008_sem_aktsiy_protesta_posle_kotoryih_investoryi_prekratili_rabotu_vkyrgyzstane/

¹⁷ https://24.kg/proisshestvija/125469_konflikt_nasolton-saryi_vlastyam_dali_tri_chasa_navyipolnenie_trebovanyj/

¹⁸ https://24.kg/vlast/128217_pravitelstvo_podozrevaet_chto_skandal_vsolton-saryi_sprovotsirovali_spetsialno/

Представитель Госинспекции по ветеринарной и фитосанитарной безопасности Кумар Исаков подтвердил, что в Нарынском районе погибли 22 барана только у одного чабана. «Общее число скота у этого чабана — 600. Погибли только 22 барана мужского пола. Первая проверка двух баранов выявила нитрат и мышьяк, в остальных не обнаружили», - пояснил он. По его словам, все признаки при гибели скота говорят об отравлении. «Никаких других инфекционных болезней нет. Потому, что весь скот района своевременно прошел вакцинацию»¹⁹. Необходимо еще раз отметить, что из 22 туш погибших животных следы отравления обнаружены только в двух. Образцы воды и почвы с джайлоо Солтон-Сары не выявили вредных веществ. Ни фоновое состояние окружающей среды, ни применяемые технологии не могут дать ответа откуда в данных тушах мог оказаться мышьяк. Тем не менее китайскую компанию, ведущую работы на золоторудном месторождении в Солтон-Сары, обязали выплатить компенсацию за гибель скота. Председатель ГКПЭН Эмиль Осмонбетов попросил руководство предприятия решить вопрос с целью формирования позитивного имиджа компании.

Акция протеста продолжалась несколько дней. Посольство Китая выступило с резким заявлением, назвав произошедшее нападением на фирму. В итоге месторождение закрыли. В правительстве подозревают, что акцию протеста спровоцировали. Однако никаких действий за этими словами не последовало²⁰.

Позже, АКС ГКНБ КР выявлены факты систематических хищений должностными лицами рудника «Солтон Сары» золотосодержащего промышленного продукта из золотоизвлекательной фабрики (ЗИФ) «Солтон Сары». В ведомстве утверждают, что установлено, что должностные лица ЗИФ «Солтон Сары» систематически занимаются незаконным вывозом золотосодержащей руды из данной фабрики и с дальнейшей реализацией на территории Нарынской и Чуйской областей. «Проведенными оперативно-розыскными мероприятиями 27 декабря 2019 года в с.Оттук Нарынской области задержана автомашина «Мерседес Спринтер», при осмотре которого обнаружено 35 мешков золотосодержащего промышленного продукта, общим весом около 1500 кг. Примерная стоимость задержанного груза на черном рынке составляет около 4 млн.сомов» - говорится в сообщении ГКНБ. По собранным материалам Главное Следственное Управление ГКНБ проводит расследование по статье 319 часть 1 «Коррупция» Уголовного Кодекса Кыргызстана. 29 декабря 2019 года руководитель

¹⁹ https://24.kg/obschestvo/125484_situatsiya_namestorojdenii_solton-saryi_prichina_konflikta_ikak_poluchena_litsenziya/

²⁰ https://24.kg/obschestvo/144008_sem_aktsiy_protesta_posle_kotoryih_investoryi_prekratili_rabotu_vkyrgyzstane/

рудника «Солтон Сары» «А.М.Ж.», директор ЗИФ «Солтон Сары» «О.Б.Ж.» и специалист рудника «Солтон Сары» «К.Н.Р.» задержаны и водворены в СИЗО ГКНБ КР²¹.

Выводы

Экологические вопросы в последнее время становятся мобилизирующим фактором в обществе и может вызвать активный рост антикитайских настроений. Как показала практика, китайские компании не придают должного значения экологическим требованиям, информированию населения о намечаемой деятельности и результатах контроля исполнения экологических норм. Это дает возможность использовать местное население и проверяющие органы в конкурентной борьбе. Местные сообщества воспринимают настороженно присутствие китайских компаний в Кыргызстане, опасаясь, что данная инициатива будет способствовать китайской экспансии²². Данные опасения проявляются в митингах и погромах китайских компаний как протест населения против продажи земель другим государствам. Некоторые кыргызстанские фобии по отношению к КНР носят системный характер: это и страх лишиться собственной земли в обмен на инвестиции или долги, и демографический фактор, боязнь массовой иностранной миграции. Необходимо также учитывать политический контекст некоторых протестов, когда с одной стороны политики пытаются наработать имидж «борца за народ» перед выборами в парламент осенью 2020 года, а также попытка некоторых политиков раскачать протестные настроения населения против деятельности правительства. Также можно рассматривать потенциальное влияние на дестабилизацию внешних игроков, обеспокоенных усилением экономического влияния Китая в регионе. В КР сохраняется напряженное отношение к китайским мигрантам и к рабочей силе из Китая. На фоне недовольства условиями работы на предприятиях с китайской долей участия высока вероятность эскалации социальных конфликтов между китайцами, которые работают в КР по контрактам, и местными жителями. Необходимо отметить в целом плохой инвестиционный климат в Кыргызстане, ресурсный национализм и теневую добычу золота, которые мешают работе практически любых геологических компаний.

²¹ https://rykovoditeli_rydnika_solton_sary_nelegalno_torgovali_zolotoy_rydoy.html

²² https://24.kg/obschestvo/144008_sem_aktsiy_protesta_posle_kotoryih_investoryi_prekratili_rabotu_vkyrgyzstane/

Тем не менее, осуществление деятельности различных китайских компаний в Кыргызстане часто сопровождается одними и теми же потенциальными точками конфликтов:

- начало деятельности осуществляется с поиска ключевого игрока («решалы»), который решит все проблемы с многочисленными согласованиями и лицензиями;
- деятельность осуществляется без предусмотренного законодательством информирования общественности и, соответственно учета общественного мнения на самых ранних стадиях намечаемой деятельности;
- строительство ведется с параллельным проектированием и из-за корректировок «по ходу» иногда различные подразделения одной и той же компаний сами запутываются в том, по какому проекту осуществляется строительство, а какой пошел на согласование в уполномоченные органы;
- разработка ОВОС начинается уже после того, как проверяющие органы останавливают деятельность компании;
- очень часто деятельность компаний связана с коррупционными скандалами;
- отсутствие PR стратегии и слабая работа с общественностью часто приводит к тому, что даже законопослушные компании бывают втянуты в различные социально-экологические конфликты.

ОЛЕГ ПЕЧЕНЮК, ОО «НЕЗАВИСИМАЯ ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА»

Эколого-правовые проблемы привлечения инвестиций в экономику Таджикистана

Опыт мониторинга общественных организаций

Республика Таджикистан (РТ), обретшая независимость в 1991 году и ставшая по праву членом ООН, пережившая годы братоубийственной войны, а также восстановления разрушенной экономики, на современном этапе переживает этап коренной трансформации, перехода на рыночные отношения, где интересы окружающей среды, к сожалению, могут быть лишь преградой для процесса принятия решений. В деле развития экономики страны крайне важно было создать прочные правовые гарантии для привлечения иностранных инвестиций, которые должны отличаться доступностью, малозатратностью и высокой рентабельностью для потенциальных инвесторов. В настоящей статье мы рассмотрим только таджикско-китайские экономические отношения, которые становятся все чаще предметом для мониторинга со стороны общественных организаций Таджикистана.

Известно, что Китайская Народная Республика (КНР) является одним из важных торговых партнеров Таджикистана, годовой оборот которого растет с каждым годом. В 2019 году оборот составил 660,9 млн. долл. США и увеличился на 9,7 млн.долл. США по сравнению с 2018 годом¹. По данному значению КНР занимает третью строчку. При этом, КНР остается основным кредитором страны. Основной объем долга приходится на обязательства перед Эксимбанком Китайской Народной Республики. По состоянию на 1 января 2019 года объем этих обязательств составил 1205,07 млн. долларов США, или 64% от общего объема двусторонних кредиторов². Лидирует Китайская Народная Республика также в сфере прямых инвестиций в страну. Общий размер китайских вложений за 2019 год составил 262,3 миллиона долларов³, что почти в 8 раз больше

¹ <https://medt.tj/images/VED-rus.pdf>

² http://minfin.tj/downloads/otchet_2018vd.pdf

³ <https://tj.sputniknews.ru/economy/20200211/1030695971/tajikistan-ekonomika-china-lider-investitsii.htm>

российских капиталовложений в экономику страны, занимающих второе место. Среди основных сфер экономики китайские компании предпочитают вкладываться в добывающий сектор, сектор производства товаров, работ и услуг, а также сельское хозяйство.

Лидирующее положение инвестиций Китайской Народной Республики и все большая зависимость страны от кредитов с КНР приводит к налоговым льготам и преференциям для китайских компаний⁴, которые неминуемо отражаются на реализации положений законодательства об охране окружающей среды.

Целенаправленные акценты, которые делаются в сторону «китайских» инвестиций никак не умоляют того факта, что аналогичные преференции выдаются большинству инвесторов, готовых вкладываться в экономику страны. Автор настоящей статьи с 2008 года так или иначе сталкивался с вопросами правового регулирования китайских инвестиций, среди которых наибольшие проблемы были в области производства и сельского хозяйства. Рассмотрим несколько частных примеров.

27 августа 2008 года в газете «Asia-Plus» была опубликована статья, суть которой сводилась к тому, что арендованные гражданами Китая цеха завода «Торгмаш» используются для выплавки металла, и с момента начала их работы стало очень тяжело дышать местным жителям. Управление охраны окружающей среды города Душанбе дало позитивный прогноз развитию событий, утверждая об отсутствии нарушений со стороны производителей, при этом общественности было четко дано понять, что экономика страны находится на пороге становления и поэтому излишнее внимание к проблемам незначительного загрязнения воздуха может негативно отразиться на отношении инвесторов к стране. Общественная инспекция, организованная Клубом экоНПО Таджикистана в сентябре 2009 года показала, что китайское предприятие ООО «Сингда» (ликвидировано в 2010 году) работала со значительными нарушениями законодательства об охране окружающей среде. Согласованные выбросы касались объемов одной индукционной печи, а на самом деле работали 3 индукционные и 2 доменные печи, не соблюдались самые минимальные нормы по очистке металлолома от лакокрасочных покрытий, а также отсутствовали защитные фильтры на трубах. Законодательство страны об охране труда, соблюдении санитарных и гигиенических норм просто было проигнорировано. Причину отсутствия контроля выяснить не удалось, но стало понятно, что большинству компаний с китайским капиталом, в то

⁴ См. к прим.: Постановление ПРТ №397 от 25.06.20, ПРТ№628 от 25.12.2019, ПРТ №1475 от 30.10.2019 и др.

время, позволялось работать без оценки воздействия на окружающую среду, поскольку для начала работы достаточно было получить лицензию от министерства промышленности РТ.

В обращении к руководству Комитета охраны окружающей среды при Правительстве Республики Таджикистан в январе 2010 года отмечалось, что большинство металлоперерабатывающих цехов на территории города Душанбе (по данным Комитета их было 20, большинство из которых с китайскими названиями) работают со значительными нарушениями положений экологического законодательства (отсутствие разрешительных документов, увеличение мощности производства без согласования, хаотичное размещение отходов и др.) и отсутствием мер по охране здоровья работающего персонала на предприятиях и населения, живущего вблизи. Кроме того, отмечена необходимость обратить внимание на существенные коллизии в законодательстве РТ о лицензировании и экологической экспертизе: положения обоих законов полагают, что положительное одобрение (лицензия или заключение экологической экспертизы) является началом для финансирования деятельности. Поэтому, большинство металлоперерабатывающих компаний работали на протяжении долгого периода времени без разрешительных документов органов охраны окружающей среды. Этот фактор стал крайне важен для производителей, которые, в отсутствии четких правовых требований, беспрепятственно загрязняли окружающую среду. Было отмечено, что до настоящего момента государственные органы не знают правил по реагированию на нарушения режима санитарно-защитных зон, устанавливаемых для производственных предприятий. Этот вопрос касается, в первую очередь, органов государственной власти, занимающихся распределением земель.

6 октября 2014 года, в ходе рабочей поездки Президента Республики Таджикистан в Кумсангирский район, было принято протокольное решение о реализации в Кумсангирском районе «Государственной программы по освоению новых орошаемых земель и восстановлению выбывших из сельскохозяйственного оборота земель в Республике Таджикистан на 2012 - 2020 годы», утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан за № 450 от 31 августа 2012 года. Главой государства, было поручено руководству Общества с ограниченной ответственностью Иттиходи Аграрии “Водии Заррин”, за счет привлечения инвестиций из КНР, вернуть в сельскохозяйственный оборот старопахотные земли Кумсангирского района в размере 6 300 га и обеспечить 18 000 новых рабочих мест на селе. Следует отметить, что

часть старопахотных земель Кумсангирского района (2500 га), расположенных на Карадумском плато и выделенных ООО Иттиходи Аграрии “Водии Заррин” под дальнейшее восстановление, граничит с Государственным заповедником «Тигровая Балка». Ранее существовавшая система орошения этих земель включала в себя: конечную часть оросительного канала Яккадин, дизельную насосную станцию с водозабором 3000 л/с из озера Дарёкул на территории заповедника и подпитку водой оросительного канала Яккадин, водосбросные коллекторы со сбросом воды в озеро Шуркуль, ранее впадающие реку Пяндж.

Восстановление гидротехнических сооружений государственного заповедника «Тигровая Балка» для нормативного, регулируемого и сезонного забора воды из озера Дарёкул с целью орошения старопахотных земель на площади 2500 га, расположенных вблизи заповедника, могло бы заметно снизить уровень воды, подпитывающий уникальный тугайный ландшафт, раскинувшийся на территории более 50000 га, и пагубно сказаться на состоянии заповедника.

Следует отметить в данном случае бдительность специалистов Комитета охраны окружающей среды, которые не допустили незаконного освоения водных объектов, обеспечивающих заповедник водой. Была создана группа специалистов во главе с общественным деятелем Светланой Благовещенской, которые разработали альтернативный вариант орошения, где были учтены интересы заповедника и совместного таджикско-китайского предприятия. При этом, остались нерешёнными значительные риски от использования пестицидов и агрохимикатов на данном участке.

Стоит отметить, что управление опасными веществами и отходами в Таджикистане является достаточно серьёзной проблемой из-за отсутствия в стране специальных норм и правил по регулированию регистрации пестицидов и агрохимикатов, а также правил по их использованию. Это дает возможность местным фермерам и гражданам КНР, которые все чаще стали осваивать залежные земли, ввозить и использовать в стране пестициды, запрещенные Стокгольмской конвенцией о стойких органических загрязнителях (СОЗ). В СМИ публикуются материалы⁵ о фантастических урожаях хлопка и других сельскохозяйственных культур у китайских фермеров, а также об опасениях бесконтрольного использования на полях Таджикистана пестицидов, которые могут содержать СОЗы. Пчеловоды уже отмечают

⁵ См.к прим.: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20191214/1030393209/udobreniya-selskoe-hozyaystvo-opasnost-tajikistan-china.html>, <https://www.agroxxi.ru/gazeta-zaschita-rastenii/novosti/v-tadzhikistane-prohodit-konferencija-po-racionalnomu-ispolzovaniyu-pesticidov.html>

значительный спад в отрасли из-за массового вымирания пчел, снижения их активности. Все эти факторы усиливают риски токсического загрязнения окружающей среды и ухудшения здоровья населения страны. При этом контроля за ввозом в страну опасных ядохимикатов нет, из-за отсутствия технической базы.

Общественное обсуждение проблемы обращения с опасными химическими веществами показало, что до настоящего момента не определены законодательные рамки по специально уполномоченному государственному органу в области обращения с пестицидами, не разработаны списки веществ, запрещенных к применению на территории страны, нет нормативов по регистрации новых агрохимикатов. Созданная Постановлением Правительства РТ №299 от 03.07.2003 Комиссия по химической безопасности Республики Таджикистан продемонстрировала недостаточную координацию работ по защите страны от воздействия опасных химикатов. Деятельность Комиссии не отвечает положениям закона РТ «О карантине и защите растений» № 1576 от 02.01.2019 и другим законодательным актам по обеспечению химической безопасности страны. Уже на протяжении нескольких лет Комиссия не собирается и не принимает важные для развития страны решения. В частности, до настоящего момента не обновлен список химических веществ, разрешенных к обороту на территории страны. Поэтому химические вещества из списка Стокгольмской конвенции СОЗ до сих пор могут беспрепятственно ввозиться на территорию страны.

Резюмируя вышеперечисленную практику общественного мониторинга деятельности компаний, инвестирующих в страну, необходимо отметить важность законодательного регулирования охраны окружающей среды и здоровья населения, вне зависимости от того, какую пользу приносят инвестиции в Таджикистан. Решение проблем, связанных с загрязнением окружающей среды, может оказаться гораздо дороже, чем экономическая выгода от проектов. Немаловажным фактором в данном вопросе является грамотность и ответственность органов государственной власти, осуществляющих надзор и контроль за соблюдением природоохранного законодательства. Также важна роль общественных организаций Таджикистана в деле мониторинга исполнения законодательства страны, хотя, в последнее время такой вид контроля исчезает, уступая место «сотрудничеству».

УМИДЖОН УЛУГОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА
РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ

Участие Узбекистана в Инициативе «Один пояс - один путь»

**Сотрудничество, перспективы, риски.
Экологическая составляющая проектов и
предложения, как ее усилить.**

Интересы сторон

Инициатива Китая (2013г.) направлена на финансирование и реализацию инфраструктурных проектов в таких отраслях, как энергетика, транспорт, логистика, нефть и газ, телекоммуникации и др. В частности, это закреплено в соглашении по итогам Пятого заседания Межправительственного комитета по сотрудничеству Республики Узбекистан (РУз) с Китайской Народной Республикой, состоявшегося 27-29 августа 2019 года, а также в принятом 24.9.2029 г. Кабинетом Министров РУз Постановлении «О мерах по реализации договоренностей, достигнутых по итогам пятого заседания Межправительственного комитета по сотрудничеству Республики Узбекистан с Китайской Народной Республикой». Были подписаны соглашения, меморандумы и прямые контракты на общую сумму в 4,3 млрд. В списке 54 проекта, в том числе по гидроэнергетике, в сфере IT и др. Узбекистан и Китай также договорились о создании китайско-узбекского инвестиционного фонда.²

Расширяется доступ к стратегическим ресурсам. Так, Пекин уже имеет доступ к запасам нефти и газа Узбекистана. Проложено три нитки газопровода. В связи с коронавирусом и отказом Китая от части объема добыча природного газа в Узбекистане заметно снизилась в первом полугодии 2020 года. Поставки в Китай сократились в три раза³. За второй квартал 2020 года поставки из Узбекистана сократились на 36%.⁴ Это нанесло ущерб экономике Узбекистана. К тому же средневзвешенная цена узбекского природного газа, поставляемого в Китай, уменьшилась со \$186 за 1 тыс куб.м. в первом полугодии прошлого года до \$158 за 1 тыс куб.м. в первом полугодии текущего года или на 15 процентов⁵. Ожидается, что после

спада энергоресурсы потребуются Поднебесной в больших объемах. Страны обсуждают вопрос о прокладке четвертой нитки газопровода из Узбекистана в Китай.

Сейчас поставки газа ведутся по газопроводу «Туркменистан - Узбекистан - Казахстан - Китай», пропускная способность которого составляет 55 млрд кубометров газа в год. По данным «Узбекнефтегаза», Узбекистан поставлял в Китай (до снижения объемов в 2020 г.) около 10 млрд кубометров газа в год ⁶.

Узбекистан привлечет свыше \$600 млн. у Китая и других стран для увеличения добычи углеводородов, об этом говорится в Постановлении Президента Ш.Мирзиёева от 04.04.2020г. Власти намерены привлечь кредитные средства Фонда шелкового пути (КНР) и иностранных коммерческих банков в размере 250 миллионов долларов, а также 400 миллионов долларов за счет экспортно-кредитных агентств. Они пойдут на дальнейшее финансирование программы по увеличению добычи углеводородного сырья на 2017-2021 годы. Гарантии по этим кредитам будут выданы Минфином Узбекистана⁷.

Крупные инвестиционные проекты связаны с транспортными коридорами. Один из планируемых трех коридоров проляжет по территории Узбекистана. Он свяжет железнодорожной колеей китайский Кашгар, где находится крупный транспортный центр и кыргызский город Ош. Оттуда он выйдет на Узбекистан, Туркменистан, Иран и Турцию.

Этот проект находится в стадии обсуждения. Одним из спорных вопросов является выбор ширины колеи. Однако нет сомнения в том, что маршрут, технические стандарты, используемые при проектировании и строительстве, источники финансирования проекта и другие организационные вопросы будут согласованы. Железная дорога имеет не только экономическое, но и стратегическое значение для всех стран – участников транспортного коридора. Идею строительства поддерживает Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), отмечая его важную роль в формировании Большого Евразийского партнерства — широкой интеграционной структуры, в основе которой лежит сеть региональных объединений и трансконтинентальных проектов⁸.

Перспективность транспортного проекта демонстрирует уже налаженный автокоридор «Кашгар – Иркештам – Ош – Андижан – Ташкент». Запущенный в июне 2020 года, он доставил первый блок-поезд, состоящий из 25 контейнеров с электротехнической продукцией, в Узбекистан и Туркменистан. Он позволил впервые

напрямую выйти в Китай автоперевозчикам из Центральной Азии. Его протяженность на 295 км короче альтернативных маршрутов через Казахстан. Железная дорога удешевит перевозки. Узбекистан рассчитывает получить скидки на перевозку ж/д грузов по территории Китая⁹.

Транспортный коридор – часть глобальной инициативы «Один пояс-один путь». Китаю важен рынок Центральной Азии в условиях снижения спроса на китайские товары в странах с развитой экономикой.

Узбекистан заинтересован в увеличении поставок в Китай своей сельскохозяйственной продукции. Это вполне совпадает с интересами Китая. В 2020 году карантинные службы заключили соглашение об экспорте. Узбекские компании смогут поставлять в Китай дыни и арахис, увеличено число экспортеров мяса. Еще одно соглашение достигнуто по экспорту орехов¹⁰.

В ближайшей перспективе намечается наращивать объемы торговли в сегменте сельскохозяйственной и мясомолочной продукции. Исходя из этого страны предпринимают шаги по созданию узбекско-китайских центров сертификации и фитосанитарного контроля, результаты испытаний которых будут признаваться обеими странами. Прорабатывается вопрос оснащения фитосанитарных лабораторий в Андижанской, Наманганской и Ташкентской областях за счет привлечения китайских грантов. Эти меры позволят существенно укрепить позиции узбекских производителей на китайском рынке, упростят поставки сельхозпродукции.

Для увеличения сельхозпроизводства в Узбекистане Китай активно делится своими наработками. Узбекская сторона в них, безусловно, заинтересована, ведь они имеют значение и для экономии воды, и для уменьшения засоления почвы, улучшения ее качества, а также для наращивания урожаев. Так, широко внедряются китайские системы капельного орошения. Их внедрение идет, в основном, по линии частного партнерства. Так, китайская компания «Синьцзян Тяньё» поставила в Узбекистан системы капельного орошения в сочетании с технологией мульчирования почвы. Экономится 30-40% минеральных удобрений, увеличение урожайности - на 30-70%. Технология внедрена в фермерском хозяйстве «Хумоюн» Баявутского района Сырдарьинской области, где на хлопковом поле трудятся китайские и узбекские рабочие¹¹.

Поставка в Узбекистан пестицидов также идет через свободный рынок. Список разрешенных пестицидов периодически обновляет Государственная комиссия по

средствам химизации и защиты растений РУз. Однако в условиях ослабления таможенного контроля на узбекский рынок попадают и пестициды, не проверенные на безопасность узбекской стороной.

Инвестиционные проекты инициативы «Один пояс – один путь» в Узбекистане

Большую часть компаний с участием иностранного капитала, созданных в Узбекистане в 2019 году, открыли инвесторы из Китая. Число китайских компаний, работающих в республике, выросло почти на треть. На 1 января 2020 года в стране зарегистрировано 1652 компании, созданные предпринимателями из Китая, что на 531 больше, чем в 2018 году. В целом же в Узбекистане работают 7560 компаний с иностранным капиталом. Больше всего инвесторов интересует Ташкент, где находится подавляющее большинство компаний с участием иностранного капитала — 4728 (62,5%). Также предприниматели часто выбирают Ташкентскую область (851 компания, или 11,3%) и Самаркандскую область (396 компании, или 5,2%). 2995 компаний (39,6%) работают в сфере промышленности, 1668 (22,0%) — в сфере торговли¹².

Китай по итогам пяти месяцев 2020 года вышел на первое место во внешнеторговом товарообороте Узбекистана (ранее он ненадолго уступал России). Позиции Китая - 2,3 миллиарда долларов (17,9% от общего товарооборота). Узбекистан экспортировал в Поднебесную товаров на 668,7 миллиона долларов, импортировал – на \$1,6 миллиарда. Узбекистан поставлял в Поднебесную минеральное топливо (\$172,6 млн), промышленные товары (\$170 млн), текстиль (\$129,7 млн), химические вещества и продукцию (\$39 млн), фрукты и овощи (\$11,2 млн), машины и оборудование (\$2,5 млн), услуги (\$236,4 млн)¹³.

Что сообщает о китайских проектах узбекская пресса? Вот несколько сообщений (2020г) с кратким резюме:

«Энергетические проекты и инициативы Узбекистана и Китая в период пандемии»¹⁴. В Узбекистане совместно с китайскими компаниями реализуются несколько крупных проектов. Стороны продолжают обсуждать десятки новых, в том числе – создание мощностей по получению олефинов на основе метанола. Узбекистан ведет переговоры с рядом китайских компаний по привлечению инвестиций и технологий в глубокую

переработку газа. Рассматриваются перспективы получения синтетического топлива из природного газа и угля с внедрением технологий из Китая. «Узбекнефтегаз» планирует привлечь минимум 250 миллионов долларов из Фонда Шелкового пути для обновления парка техники, необходимого для наращивания добычи углеводородов.

В сотрудничестве с КНР реализован проект на Ангренской ТЭС по строительству энергоблока мощностью 150 МВт, работающего на высокосольном угле. Планируется строительство дополнительных угольных энергоблоков на Ангренской ТЭС. Китайские компании также активно вовлечены в различные проекты в сфере гидроэнергетики. Это связано как с финансированием этих проектов со стороны китайских банков, так и с поставкой современного оборудования из КНР и пуско-наладкой их в Узбекистане.

Китайцы вовлечены в строительство высоковольтных линий электропередачи, активно участвуют в тендерах по строительству солнечных и ветровых электростанций.

Состоялись переговоры с представителями китайской China Machinery Engineering Corporation - одной из крупнейших инженерно-торговых компаний в КНР. Компании предложено принять участие в тендерных торгах в рамках реализации перспективных инвестиционных проектов в энергетической и нефтегазовой отрасли.

«Китайская Innoway заинтересовалась развитием инфраструктуры для сети 5G в Узбекистане»¹⁵. В ходе переговоров между представителями Министерства инновационного развития Узбекистана и Innoway обсуждены создание инновационного центра в Узбекистана, организация специалистами Innoway курсов повышения квалификации для работающих в сфере инноваций в Узбекистане, управление инновационными центрами и особыми инновационными зонами и ряд других тем. Кроме того, Innoway выразила заинтересованность в расширении охвата технологий 5G в Узбекистане, внедрении инновационной инфраструктуры.

«Быть в тренде. Узбекские и китайские ученые открывают новые горизонты для стройиндустрии»¹⁶. Отечественная промышленность в короткие сроки освоила выпуск пенобетона и газобетона, применение которых позволяет значительно экономить на отоплении. Например, дом из ячеистого бетона на 20%-40% снижает расходы на отопление, при том что толщина стен остается стандартной. Развитию этого сегмента помогли поставки современного оборудования из Китая. Сегодня технологические линии по выпуску таких стройматериалов успешно работают во всех областях страны.

Информации в СМИ Узбекистана о проектах «Один-пояс-один путь», в основном, все позитивны и не касаются экологических аспектов их реализации. Однако время от времени журналисты все же поднимают вопросы экологической составляющей

проектов. Слабое к ним внимание – один из серьезных рисков, с которыми сталкиваются жители страны.

Риски при реализации проектов

Говоря о рисках инициативы «Один пояс-один путь», прежде всего скажем о рисках для Китая. Главный риск – нерешенные водные проблемы в Центральной Азии. Из-за них отношения между странами нестабильны. Страны находятся на трансграничных реках. До распада СССР отношения верховьев и низовьев регулировались централизованно. Водохранилища строились для работы в ирригационном режиме. Летом верховья обеспечивали республики ниже по течению водой, а в зимний период, когда водохранилища накапливали воду, братские народы поставляли в Таджикистан и Кыргызстан электроэнергию и топливо. В частности, такие отношения с соседями были у Узбекистана.

С распадом Союза каждый сам за себя. Вододеление регулирует Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия стран Центральной Азии по рекомендациям Научно-информационного центра МКВК, находящегося в Ташкенте. Однако уровень представительства стран в МКВК невысок. Обязательства по квотам на воду нарушаются. Узбекистан – один из главных партнеров Китая в Центральной Азии - зависит от трансграничных рек процентов на 80. В условиях изменения климата и таяния ледников проблема усугубится, расчет на поставки сельхозпродукции из Узбекистана может не оправдаться.

Для Узбекистана риски аналогичны рискам в других странах инициативы «Один пояс-один путь». По данным аналитиков, 23 страны из семи десятков рискуют попасть в долговую зависимость от Китая. Страны, которые не в состоянии погасить свой долг, продают доли в финансируемых Китаем проектах или передают управление ими китайским государственным предприятиям. В Центральной Азии в такой ситуации уже находятся Кыргызстан и Таджикистан. Узбекистан, благодаря продаже золотовалютных запасов, еще не попал в угрожающую долговую зависимость.

«Узбекистан пока накопил только \$8 млрд китайских инвестиций, но планы у страны грандиозные», - так писали СМИ в сентябре 2019 года и сообщали о новом соглашении на \$4 млрд. Об этом соглашении по реализации 54 проектов мы говорили в этом обзоре выше.

Рост долга для Узбекистана чреват, как и для других стран ЦА, потерей собственности на свои природные богатства.

В значительной степени природные богатства уже эксплуатируются в интересах Китайской Народной Республики. Поставки газа ведутся в ущерб газификации сельских районов Узбекистана, в том числе Бухарской области, откуда качается газ, и Приаралья, где также ведется добыча природного газа. В этих регионах в отсутствие газа население вырубает саксаул и другую растительность для отопления. В результате усиливаются процессы опустынивания, нарушается природный баланс, усугубляются последствия изменения климата. Это является серьезным экологическим риском для Узбекистана, особенно, если учесть, что запасы газа в недрах не безграничны.

Председатель КНР Си Цзиньпин поставил задачу перед своим народом: «Нам нужны зеленые горы и изумрудные воды. Они нужны даже больше, чем горы золота и серебра, потому что они и есть — наше богатство». Китай достиг значительных успехов в сфере охраны окружающей среды. Однако в Узбекистане далеко не все инвестиционные проекты китайской стороны соответствуют высоким экологическим критериям и не все можно подвергнуть экологической оценке.

Для примера, несколько лет нарекания вызывает работа узбекско-китайского СП «Peng Sheng» в свободной экономической зоне в Сырдарьинской области. В канал Шурузьяк, впадающий в Сырдарью, сбрасываются грязные стоки кожевенного производства, связанного с обработкой шкур. Местные жители жалуются на отравление биоты в канале. Органы Госкомэкологии выдавали предприятию предписания по исправлению ситуации. Весной 2020 года останавливали вредное производство в рамках их полномочий на две недели. Безрезультатно¹⁷. Объясняется это тем, что законодательство Узбекистана ставит предприятия в свободных экономических зонах в исключительно благоприятные условия. Закон «О свободных экономических зонах» в Узбекистане был принят в 1996 году¹⁸. В феврале 2020 года принят Закон «О специальных экономических зонах»¹⁹. Статьей 15 определены общие требования к инвестиционным проектам, предлагаемым для реализации на территории специальных экономических зон.

К ним относится соответствие требованиям законодательства в ряде сфер, в том числе - экологии и охраны окружающей среды. В реальности такие зоны бесконтрольны. Права экологов ограничены.

Еще один пример бесконтрольного ведения работ с точки зрения экологической безопасности - строительство китайской компанией CSCEC жилого массива Hight town в Ташкенте. Строительство ведется без экологической экспертизы на месте свалки промышленных и бытовых отходов. Отходы из котлованов переваливаются на прилегающую территорию. В этой ситуации обе стороны оказались не на высоте, создавая серьезные проблемы для будущих жителей массива²⁰.

Каков механизм продвижения инвестиционных проектов? Главной подрядной организацией обязательно назначается китайская компания. При возведении объектов используются китайское оборудование и материалы от компаний из Китая, которые импортируются без пошлин или по льготным условиям.

Ослабляют требования преференции, установленные законодательством иностранным компаниям в свободных экономических зонах. Они же ослабляют позиции узбекского бизнеса. Существует мнение, что заполнение рынка китайской продукцией широкого ассортимента ударит по местным производителям.

Обзор рисков завершим вопросом продуктовой безопасности в связи с увеличением вывоза сельхозпродукции широкого ассортимента. Очевидно, этот и другие риски должны постоянно находиться в поле зрения правительства страны.

Кредитование проектов «Один пояс-один путь» в Узбекистане

Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), инициированный Си Цзиньпином в 2014 году для кредитования проектов Инициативы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, официально начал свою работу в январе 2016 года. В 2016 году Узбекистан стал его членом. За четыре года АБИИ обеспечил своим членам примерно 20 млрд. долларов в виде инфраструктурных инвестиций. Мы не располагаем данными, какие кредиты на инфраструктурные проекты уже предоставлены Узбекистану. Однако в 2019 году правительство страны и АБИИ заявили о намерении реализовать совместные проекты общей стоимостью свыше \$600 миллионов в сфере водоснабжения, водоотведения и строительства автомобильных дорог в Бухарской области²¹.

В июле 2020 г. председатель КНР на открытии пятого ежегодного заседания Совета управляющих АБИИ, проходящего в режиме видеоконференции, призвал преобразовать банк в новую платформу, которая бы «содействовала развитию всех его

членов и процессу формирования сообщества единой судьбы человечества». Вероятно, это преобразование на Узбекистан скажется положительно в плане инвестиций.

Как сообщил пресс-служба банка по итогам пятого ежегодного заседания Совета управляющих АБИИ, Узбекистаном «совместно с банком прорабатываются ряд масштабных инфраструктурных проектов в сфере водоснабжения, канализации, строительства и реконструкции автомобильных дорог, электрификации железнодорожных путей, комплексного развития базовой инфраструктуры в регионах на общую сумму более \$2 млрд». В рамках программы АБИИ «Восстановление после кризиса COVID-19» планируется направить порядка \$300 млн на осуществление проектов поддержки системы здравоохранения и развития предпринимательства в Узбекистане²².

Ранее, в марте 2020 года, пресс-служба Азиатского банка инфраструктурных инвестиций сообщала о проекте, финансируемом совместно с Азиатским банком развития (АБР), направленном на улучшение возможностей Узбекистана по мониторингу, диагностике, тестированию и лечению COVID-19, а также на предотвращение возможных вспышек заболеваний в будущем. АБР утвердил выделение заемных средств в размере 100 млн долларов. Участники проекта намерены усилить национальную лабораторную систему и расширить возможности тестирования в 38 медицинских учреждениях, создать национальную систему эпидемического надзора, а также улучшить клиническую помощь пациентам за счет модернизации 16 центров лечения^{23,24}.

Система финансирования проектов ОПОП в Узбекистане будет наращиваться. В Мининвествнешторге отмечают высокие темпы развития сотрудничества с Государственным банком развития, Эксимбанком КНР, Фондом Шелкового пути.

СМИ Узбекистана сообщили, что Узбекистан и Китай планируют провести первый Форум регионов. Целью его станет установление прямых связей между областями республики и провинциями КНР, а также укрепление двусторонних связей между узбекскими и китайскими предпринимателями. Озвучены и приняты к рассмотрению предложения о создании совместных предприятий по консолидации, хранению, обработке и распределению внешнеторговых грузов, в том числе свежей плодоовощной и другой продукции²⁵.

Такие проекты с прямыми контактами уже реализуются. Китайская Xinjiang Guorui Economic & Trade Co. Ltd инвестирует 25 миллионов долларов в строительство специализированного торгово-логистического терминала в Сырдарьинской области до

конца 2024 года. На территории терминала бесплатно разместят отделения Государственного комитета по ветеринарии и развитию животноводства, Государственного таможенного комитета, Министерства здравоохранения, Государственного комитета по экологии и охране окружающей среды, агентства «Узстандарт» и инспекции «Уздавкарентин»²⁶.

Предложения по усилению экологической составляющей проектов «Один пояс-один путь»

Практически все проекты имеют экологическую составляющую. Правительством Китая в 2017 году выдвинут «План сотрудничества в области экологии и охраны окружающей среды в ОПОП» и «Руководство по продвижению зеленого Пояса и Пути». Они должны обеспечивать «зеленое развитие». С 2000 года Китай издал более 100 руководств, пособий, брошюр и стандартов по этим вопросам. Но ни один из них не является обязательным для строгого исполнения китайскими бизнесменами за рубежом. Это ставит под вопрос устойчивое развитие в Узбекистане.

Законодательством Узбекистана облегчены процедуры прохождения инвестиционных проектов, ослаблен контроль. Предусмотренные законодательством общественная экологическая экспертиза и общественные слушания проектов не проводятся. Проекты непрозрачны. Не исключено, что государственная экологическая экспертиза проводится по облегченному сценарию в связи с выводом ряда объектов из ее поля зрения согласно новому Положению «Об экологической экспертизе», утвержденному Постановлением Кабинета Министров Узбекистана в ноябре 2018 года²⁷. Как сказано в Постановлении, документ пересмотрен «в целях создания более благоприятных условий для развития деятельности субъектов предпринимательства, повышения эффективности проводимых реформ по созданию максимально благоприятного делового климата».

Отсутствие жестких критериев ведет к тому, что в страну могут попасть и попадают (факты приводились выше) экологически грязные объекты с устаревшими технологиями.

На наш взгляд, при всех положительных аспектах Инициативы экологическую составляющую необходимо усилить. Возможные шаги для этого:

- создать региональную экспертную сеть для общественной экологической оценки проектов в рамках инициативы «Один пояс – один путь» и привлекать экспертов к экологической оценке проектов;
- создать региональную базу данных планируемых проектов, реализуемых, реализованных, что позволит проводить общественный аудит. Основа для такой базы данных – информация в СМИ, на сайтах министерств и ведомств, расширение базы данных, доступ к ней заинтересованной общественности;
- инициировать проведение общественной экологической экспертизы и общественных слушаний;
- инициировать пересмотр национального законодательства в пользу окружающей среды, а не бизнеса, как сейчас;
- инициировать пересмотр национального законодательства, ставящего местный бизнес в менее выгодные условия, чем инвесторов. Преференции должны быть местным производителям. Иначе цели ОПОП не будут достигнуты.
- органам охраны природы со всей ответственностью проводить экологическую экспертизу проектов и выполнять надзорные функции, вести мониторинг в соответствии с Законом «Об охране природы».

НАТАЛИЯ ШУЛЕПИНА

1. <https://lex.uz/pdfs/4528259>, 24.09.2019, Постановление Кабмина «О мерах по реализации договоренностей, достигнутых по итогам пятого заседания Межправительственного комитета по сотрудничеству Республики Узбекистан с Китайской Народной Республикой»
2. Соглашения на \$4 млрд: о чем договорились Узбекистан и Китай, и что будет дальше. 26.09. 2019, <https://www.spot.uz/ru/2019/09/26/china-uzb/>
3. Экспорт газа из Узбекистана в Китай сократился в 3 раза, в Россию – полностью остановлен, 16.7.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/economic/eksport-gaza-iz-uzbekistana-v-kitay-sokratilsya-v-3-raza-v-rossiyu-polnostyu-ostanovlen-/>
4. Борьба за Китай, 16.7.2020, Игорь Ивахненко, <https://oilcapital.ru/article/general/16-07-2020/borba-za-kitay>
5. Экспорт узбекского природного газа: страны, объемы, стоимость, 29.7.2020, <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/1161597-eksport-uzbekskogo-prirodnogo-gaza-strany-obemy-stoimost.html>
6. Китай предупредил Узбекистан о сокращениях закупок газа, 8.5.2020, <https://www.spot.uz/ru/2020/05/08/gas/>
7. О первоочередных мерах по повышению финансовой устойчивости нефтегазовой отрасли, Постановление Президента Ш.Мирзиёева от 4.4.2020, <https://lex.uz/docs/4780903>
8. ШОС намерена создать новый транспортный коридор из Китая в Европу через Центральную Азию – Норов, 17.6.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/shos-namerena-sozdat-novyy-transportnyy-koridor-iz-kitaya-v-evropu-cherez-tsentrlnuyu-aziyu-norov-/>

-
9. Железная дорога Узбекистан-Кыргызстан-Китай – это кратчайший путь из КНР в Европу и на Ближний Восток – эксперт, 21.6.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/obchestvo/zheleznaya-doroga-uzbekistan-kyrgyzstan-kitay-eto/>
10. Узбекистан и Китай заключили соглашение об экспорте дынь, арахиса и маша. 20.7.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-i-kitay-zaklyuchili-soglashenie-ob-eksporte-dyn-orekhov-i-masha/>
11. China's Water-Saving Technology helps Agricultural Development, 3.7.2020, <https://www.beltandroad.news/2020/07/03/chinas-water-saving-technology-helps-agricultural-development/>
12. В Узбекистане в прошлом году большая часть новых компаний с участием иностранного капитала была открыта инвесторами из КНР, 13.1.2020 Анара Исмаилова, https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/v-uzbekistane-v-proshlom-godu-bolshaya-chast-novykh-kompaniy-s-uchastiem-inostrannogo-kapitala-byla-/?sphrase_id=1368310
13. Китай снова вышел на первое место во внешнеторговом обороте Узбекистана, 19.6.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/kitay-snova-vyshel-na-pervoe-mesto-vo-vneshnetorgovom-tovarooborote-uzbekistana-/>
14. «Энергетические проекты и инициативы Узбекистана и Китая в период пандемии», 13.08.2020, <https://podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/partnerstvo-s-pritselom-na-budushchee-energeticheskie-proekty-i-initsiativy-uzbekistana-i-kitaya-v-p/>
15. Китайская Innoway заинтересовалась развитием инфраструктуры для сети 5G в Узбекистане, 30.7.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/kitayskaya-innoway-zainteresovalas-razvitiem-infrastruktury-dlya-seti-5g-v-uzbekistane-/>
16. Быть в тренде. Узбекские и китайские ученые открывают новые горизонты для стройиндустрии, 10.6.2020, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/byt-v-trende-uzbekskie-i-kitayskie-uchenye-otkryvayut-novye-gorizonty-dlya-stroyindustrii/>
17. Канал Шурузьяк впадает в Сырдарью, что в неё несёт? 6.4.2018, Наталия Шулепина, <http://sreda.uz/rubriki/voda/kanal-shuruzyak-vpadaet-v-syrdaryu-cto-v-nee-nesyot/>, Насколько эффективна охрана природы в Узбекистане? 1.5.2018, Наталия Шулепина, <https://nuz.uz/nauka-i-tehnika/32482-naskolko-effektivna-ohrana-prirody-v-uzbekistane.html>
18. Закон «О свободных экономических зонах», 1996, lex.uz/docs/14656
19. Закон РУз «О специальных экономических зонах», 17.2.2020, lex.uz/ru/docs/4737514
20. Экскурсия по свалке, где будет Юнус-Абад сити, 24.08.2020, Наталия Шулепина, <https://nuz.uz/svobodnoe-mnenie/1169610-ekskursiya-po-svalke-gde-budet-yunus-abad-siti.html>
21. АБИИ и Узбекистан планируют проекты на 600 миллионов долларов, 20. 5.9.2020, <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-07-15--abii-i-uzbekistan-planirujut-proekty-na-600-millionov-dollarov-43807>
22. Узбекистан участвовал в работе Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, 29.7.2020, <https://yandex.ru/turbo/s/rossaprimavera.ru/news/465efd11>
23. Узбекистан получит от АБР еще \$100 млн на борьбу с коронавирусом, 3.8.2020, <https://kun.uz/ru/news/2020/08/03/uzbekistan-poluchit-ot-abr-yeshche-100-mln-na-borbu-s-koronavirusom>
24. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций выделит Узбекистану \$100, 18.8.2020, <https://kun.uz/ru/news/2020/08/18/aziatskiy-bank-infrastrukturnyx-investitsiy-vydelit-uzbekistanu-100-mln>
25. Узбекистан и Китай планируют провести первый Форум регионов, 21.7. 2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/uzbekistan-i-kitay-planiruyut-provesti-pervyy-forum-regionov/>
26. Китайцы построят крупный торгово-логистический терминал в Сырдарье, 21.3.2020, Темир Исаев, <https://www.podrobno.uz/cat/uzbekistan-i-kitay-klyuchi-ot-budushchego/kitaytsy-postroyat-krupnyy-torgovo-logisticheskiy-terminal-v-syrdare-/>

27. Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан № 949 от 22.11.2018 «Об утверждении Положения о государственной экологической экспертизе» https://nrm.uz/contentf?doc=568805_postanovlenie_kabineta_ministrov_respubliki_uzbekistan_ot_22_11_2018_g_n_949_ob_utverjdenii_polojeniya_o_gosudarstvennoy_ekologicheskoy_ekspertize&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana

ПРОЕКТ

Заключение: экологические уроки «Пояса и пути»

Обзор ситуации с экологической оценкой проектов «Пояса и пути» в странах Центральной Азии показывает, что одной из главных проблем для всех стран региона является своевременный и полный доступ к информации о проектах ПиП в рамках процедуры экологической оценки.

В целом, отсутствует открытый диалог по обсуждению инвестиционных программ и соглашений сотрудничества с Китаем. Проблема кроется не столько в китайской стороне, сколько в неподготовленности и недостатке информации как у властей, так и у научных учреждений, бизнеса и общественных объединений ЦА. Сказывается и слабая способность общества требовать обеспечения баланса экономических и экологических интересов, что отражается в практически отсутствующем участии общественности в процессе принятия решений по реализуемым с Китаем проектам.

В настоящий момент «зелёная» составляющая инициативы «Пояс и путь» опирается на корпоративное самоуправление и международные инициативы в области устойчивого развития. Однако в отличие от действующих законов, все эти политики и руководящие принципы носят добровольный характер. Экологические правила, связанные с ПиП, не имеют обязательной юридической силы. И хотя правительство Китая приняло ряд политических установок и инициатив, призывающих китайские компании к соблюдению законов и правил принимающих стран, на сегодняшний день в КНР нет закона, регулирующего вопросы охраны окружающей среды в инвестициях за рубежом.

Обостряющаяся геополитическая конкуренция в Центральной Азии также мешает налаживанию конструктивного сотрудничества с китайской стороной. Любая критика воспринимается в политической, а не содержательной плоскости. Экологические вопросы, особенно проблемы землепользования, становятся мобилизующим фактором и ведут к росту антикитайских настроений в ряде стран региона.

Как показывают примеры из данного обзора, китайские компании в странах Центральной Азии не придают должного значения экологическим требованиям, не информируют население о своих намерениях, не сообщают результаты экологического мониторинга своей деятельности. Это дает возможность использовать экологические нарушения в конкурентной борьбе с Китаем за доступ к природным ресурсам и контроль над их распределением, как на местном, так и на региональном уровне.

Эффективность экологического руководства проектами ПиП в Центральной Азии сейчас зависит не столько от приоритетов и обязательств Китая в развитии «Зелёного Шёлкового пути», сколько от политической готовности и способности стран региона поддерживать, внедрять и применять строгие природоохранные законы и правила. Начинать надо с распространения публичной информации и проведения открытой и эффективной оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС) проектов ПиП, а также стратегической экологической оценки (СЭО) инфраструктурных и трансграничных проектов. Практически все страны региона, за исключением Узбекистана, являются сторонами Орхусской конвенции, неукоснительное выполнение положений которой также будет способствовать повышению эффективности экологической оценки проектов ПиП.

Посольствам Китая в странах региона следует существенным образом улучшить информационное освещение проектов ПиП, включая вопросы воздействия на окружающую среду. Посольствам следует вступать в диалог с общественностью, оперативно и открыто реагировать на факты нарушений со стороны китайских компаний, содействуя быстрому разрешению конфликтов в интересах обеих сторон.

Аналогичные пожелания можно отнести и к самим китайским компаниям в регионе, помимо того, что им следует активно и эффективно внедрять на практике «зелёные» стандарты ПиП. Компании являются своего рода «послами» КНР в наших странах и от их поведения зависит отношение местного населения к Китаю.

Государственные органы Китая должны строго следить за проведением политики «зелёного» развития ПиП в Центральной Азии и оперативно реагировать на возникающие проблемы и конфликты как через посольства КНР на местах, так и через китайские государственные компании, работающие в регионе. В противном случае, все призывы и программы Китая по экологическому развитию ПиП, будут восприниматься не более чем «зелёное» оформление внешнеполитической витрины,

предназначенное для улучшения международного имиджа КНР, а не реальное обеспечение охраны окружающей среды и устойчивого развития.

В качестве первоочередных шагов для улучшения ситуации с экологической оценкой проектов ПиП необходимо обеспечить:

- открытость информации по китайским инвестициям и создание равного режима их деятельности с другими зарубежными инвесторами;
- соблюдение китайскими компаниями экологических и иных требований национального законодательства и международных соглашений стран региона;
- проведение СЭО планов и программ сотрудничества с Китаем в рамках ПиП для выявления приоритетов и рисков, а также учёта экологической эффективности направлений и проектов;
- проведение СЭО крупных инфраструктурных проектов ПиП;
- проведение эффективной ОВОС проектов ПиП, результаты которой должны обсуждаться с местным населением и общественностью, а мнение людей должно учитываться в процессе принятия решений;
- использование "зелёных» стандартов ПиП, а также руководств по инвестированию Китая в диалоге с китайскими компаниями и требование их соблюдения;
- просвещение представителей власти и общества ЦА о политике и практике «зелёного развития» Китая.

Китайский «Пояс и путь» буксует в Центральной Азии без эффективной экологической оценки и механизмов общественного участия в принятии решений.

Publications, articles and general recommendations

SUMMARY

The brief “Environmental Aspects of the Belt and Road Projects in Central Asia” is dedicated to the environmental assessment of China’s Initiative projects in the region. The review gives the opinions of representatives of the environmental community of Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan together with an overall assessment of B&R environmental perspectives and the China-Mongolia-Russia economic corridor experience. The conclusion provides recommendations for the government authorities of CA countries and China, as well as the region’s community.

The review was prepared by PF Social-Ecological Fund under the “Environmental Assessment of the Belt and Road Initiative” project with the support of the U.S. Embassy to the Republic of Kazakhstan.

Review Materials:

The Belt and Road: ‘Green Development’ Perspectives?

Eugene Simonov, Ph.D., The Rivers without Boundaries Coalition

The material is dedicated to an overall assessment of B&R environmental perspectives, existing problems of the Green Silk Road in the world, and the state of things after the coronavirus pandemic. The assessment of the China-Mongolia-Russia economic corridor experience is given as an example, as well as recommendations for the Central Asian community on environmentalization of B&R projects in the region.

Kazakhstan: Environmental Aspects of the 55 Projects Program

Sergey Solyanik, Consultant, Crude Accountability

Kazakhstan’s participation in B&R has become a new stage of the development of bilateral Kazakhstan-China relations. However, implementation of the industrial and investment cooperation program within B&R has given rise to lots of rumors and phobias in the country because of a lack of detailed information. This also applies to the environmental aspects of B&R projects in Kazakhstan.

Kazakhstan: Violations by the Chinese Agricultural Producer of Requirements for Pesticides

Vadim Nee, Member of the Board of Trustees of PF Social-Ecological Fund

In 2016, mass protests among the population caused the introduction of amendments to the country’s land law in relation to an increase of the land lease term. The public was particularly concerned about environmental risks and agricultural producers from China. One example was a story with the illegal importation and use of pesticides by Long Xin LLP in East Kazakhstan.

Kyrgyzstan: Problems of Mining Projects Implementation

Oleg Pecheniuk, PA “Independent Ecological Expertise”

Environmental issues have recently become a mobilizing factor in society and can give rise to an active growth of anti-Chinese sentiments in Kyrgyzstan. The practice has shown that Chinese companies do not pay due attention to environmental requirements, promoting public awareness and monitoring compliance with environmental regulations. Social and environmental conflicts in the gold mining industry.

Environmental and Legal Issues of Attracting Investments to Tajikistan’s Economy

Umidjon Ulugov, Russian-Tajik University

The article looks into the Tajik-China economic relations and the results of environmental monitoring of a number of joint projects by public organizations of Tajikistan.

Uzbekistan's Participation in the Belt and Road Initiative

Nataliya Shulepina, Sreda.uz

The journalistic review is dedicated to the current economic cooperation between the two countries, existing perspectives and risks of B&R projects implementation in Uzbekistan. Also, it provides a description of the environmental component of a number of projects and suggestions on how to strengthen environmental control of their implementation in the country.

Recommendations

It is necessary to prioritize the following steps to improve environmental assessment of B&R projects in Central Asia,:

- transparency of information on China's investments and creation of equal treatment of their activity with foreign investors from other countries;
- compliance by Chinese companies with environmental and other requirements of the national legislation and international treaties of the region's countries;
- implementation of strategic environmental assessment (SEA) plans and programs of cooperation with China within B&R to identify priorities and risks, and also to take into account environmental efficiency of the areas of activity and projects;
- conducting SEA of B&R large-scale infrastructure projects;
- conducting an effective environmental impact assessment (EIA) of B&R projects and the results need to be discussed with the local community and the public, and public opinion should be taken into consideration in the decision-making process;
- using 'green' B&R standards and guidelines for China's investments in a dialogue with Chinese companies, and the requirement for their compliance;
- raising awareness for the representatives of CA governments and communities on the 'green development' policy and practice of China.